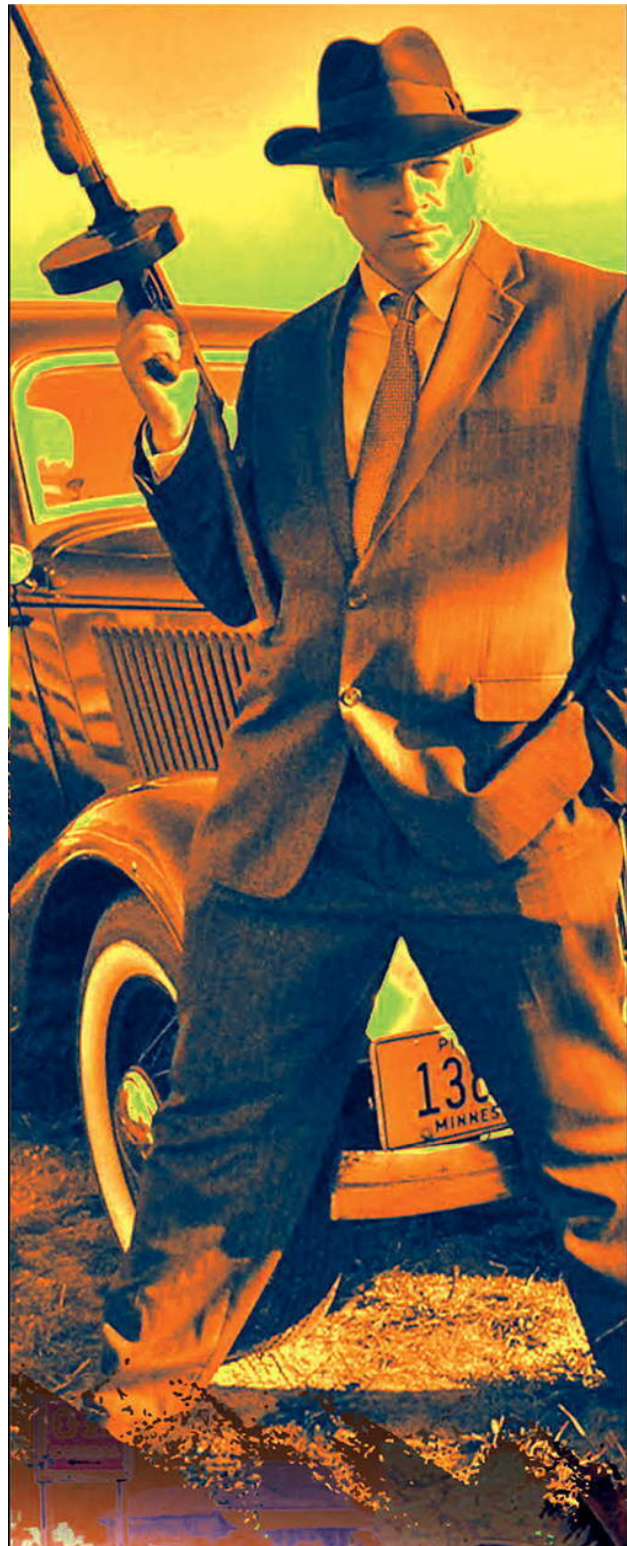

ФЕДОР РАЗЗАКОВ
БАНДИТСКИЙ
ЗАПАД

МАНЬЯКИ,
МАФИОЗИ,
ГРАБИТЕЛИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Федор Раззаков

**Бандитский Запад. Маньяки,
мафиози, грабители**

«Алисторус»

2026

УДК 347.979
ББК 67.519

Раззаков Ф. И.

Бандитский Запад. Маньяки, мафиози, грабители /
Ф. И. Раззаков — «Алисторус», 2026 — (Документальный
триллер)

ISBN 978-5-00269-390-0

В книге собрана уникальная коллекция шокирующих и необычных криминальных историй, происшедших на Западе с 1811 года по 1996 год. Вас ждет захватывающее путешествие по страницам истории мировой преступности, написанной талантливой рукой мастера жанра – Федора Раззакова. Эта книга – глубокое исследование человеческой натуры, социальных процессов и механизмов формирования преступности. Захватывающий сюжет, реалистичные персонажи и атмосфера прошлого обеспечат незабываемое впечатление от чтения. Погрузитесь в глубины человеческих страстей, переживаний и грехов, явившихся причиной всемирно известных преступлений.

УДК 347.979
ББК 67.519

ISBN 978-5-00269-390-0

© Раззаков Ф. И., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Страх над Лондоном (1811)	6
Французский урод (1855–1861)	10
Герои-бандиты (1850–1921)	13
Убийца новобрачных в ванне (1912–1914)	23
Одиннадцать жертв господина Ландрю (1914–1921)	28
Кошмары Германии 20-х годов (1924)	29
Изгои Америки (1908–1930)	34
Главный бандит Америки (1924–1931)	43
Долгая охота (1932–1934)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Федор Раззаков
Бандитский Запад. Маньяки,
мафиози, грабители

© Раззаков Ф. И., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Страх над Лондоном (1811)

До декабря 1811 года жители Лондона не знали, что такое крепкая дверная цепочка. Однако в том месяце город потрясла целая серия зверских убийств, и в домах добропорядочных лондонцев поселился страх. Люди стали укреплять дверные замки, наглухо закрывать окна и изобрели дверные цепочки.

Кошмар начался 7 декабря на улице Ратклиф Хайвэй, что находилась рядом с «Голубыми воротами» – одним из самых мрачных районов города, возле гавани, где в многочисленных кабаках и притонах гуляли пьяные матросы и куда ни один служитель порядка не решался идти в одиночку. Здесь был расположен дом № 29, где обитала семья торговца вязаными изделиями Марра: он сам, его 27-летняя жена, их 8-месячный ребенок, 13-летний мальчик-ученик и девушка-прислуга по имени Мари.

Было около 12 часов вечера, когда хозяин дома отправил Мари в магазин купить устриц к ужину. Девушка взяла корзинку, получила от хозяина деньги и вышла на улицу. Выходя из дверей, она увидела на другой стороне молодого человека, одетого в элегантный плащ. Его внешний вид был настолько опрятен, что девушка не заподозрила ничего необычного.

Между тем, в отличие от Мари, местный сторож по роду своей службы обязан был проявить максимум осторожности при виде незнакомца, заглядывавшего в столь поздний час в чужие окна. И сторож эту осторожность проявил. Он зашел в дом Марра и предупредил, что под окнами дома слоняется незнакомый человек, по виду вроде состоятельный, однако чем черт не шутит. Марр выглянул в окно, но на противоположной стороне улицы уже никого не было. Вдвоем со сторожем они наглухо закрыли окна в доме, и сторож, пожелав хозяевам спокойной ночи, ушел.

Тем временем таинственный незнакомец и не думал покидать окрестности дома № 29. Он только отошел немного в сторонку. С нового места он прекрасно видел, как сторож покинул дом Марра и скрылся в глубине улицы. Выждав еще немного, незнакомец решительно направился в лавку.

Когда он вошел, Марр стоял за прилавком и укладывал товар, готовясь к завтрашнему дню. Вошедший любезно поздоровался и попросил показать пару мужских чулок. Марр повернулся к полкам, чтобы найти товар, и в это время незнакомец со всего размаха обрушил молоток на затылок Марра. Тот обмяк и рухнул на дощатый пол.

Сделав свое черное дело, незнакомец внимательно прислушался и, убедившись, что в доме тихо, вернулся к входной двери и закрыл ее на засов. После этого он подошел к торговцу, достал нож и хладнокровно перерезал тому горло.

Однако не успел он разогнуться, как услышал, что сверху кто-то спускается по лестнице в лавку. Это была жена Марра. Она шла, не подозревая, какая опасность поджидает ее. Как только ноги ее ступили на пол, преступник ударил ее сзади молотком, а после того как женщина упала, довершил дело ножом. Убив женщину, преступник поднялся на второй этаж и хладнокровно умертвил 13-летнего мальчика и 8-месячного ребенка. Последнего он мог не убивать: тот был слишком мал, чтобы представлять хоть какую-то опасность, однако пролитая кровь, видимо, настолько «завела» убийцу, что остановиться он уже не мог.

Расправившись со всеми обитателями дома, убийца принялся искать деньги, которые у состоятельного торговца, по его расчетам, обязательно должны были быть.

Тем временем служанка Мари, не обнаружив устриц в торговой лавке возле дома, обошла еще ряд лавок на соседних улицах, но безрезультатно. Было уже около часа ночи, и девушка решила повернуть обратно. То и дело на ее пути возникали шумные компании пьяных матросов. Чтобы не попасть в беду, Мари пряталась от них в ближайших темных переулках, поэтому

обратная дорога несколько затянулась, и, когда девушка наконец подошла к дверям дома № 29, на часах была половина второго ночи.

Электрозвонок в те годы еще не существовало, а вместо них на дверях лондонцев обычно висели колокольчик и молоток, но время было уже позднее, и Мари не решилась воспользоваться ими, чтобы не разбудить хозяйского младенца. Поэтому она осторожно постучала в дверь кулаком и прислушалась. Из дома не раздалось ни звука. Повторив попытку еще раз, Мари решилась позвонить в колокольчик, однако и на его звон никто не отреагировал. И вот тогда в душу Мари закрался страх. Она вдруг вспомнила о таинственном незнакомце, которого, уходя из дома, она видела на улице.

И сразу возникла мысль о немедленном бегстве. Мари хотела уже развернуться, как вдруг услышала отчетливый скрип ступенек за дверью. Кто-то спускался к входной двери. Шаги приближались, а Мари внезапно охватило оцепенение.

Между тем скрип вскоре прекратился, и Мари услышала чье-то тяжелое дыхание за дверью. Затем послышался легкий шорох: кто-то пытается открыть засов. Еще секунда, и дверь бы открылась, явив Мари таинственного незнакомца. Однако девушка наконец опомнилась и, схватив привязанный к дверному косяку молоток, принялась изо всех сил бить им по стене дома, сопровождая это громкими криками. Она стучала так яростно и кричала так истошно, что переполошила всех соседей. Те выбежали на улицу и с трудом уняли девушку, которая билась в истерике и никак не хотела выпускать из рук молоток.

Наконец с большим трудом девушку успокоили, и она, захлебываясь слезами, рассказала о своих подозрениях. Соседи тут же принялись действовать. Так как в доме Марра сохранялась гробовая тишина, было решено взломать входную дверь. Один из соседей предложил забраться в лавку через заднюю дверь, взломать которую было гораздо легче. Так и сделали. Сосед вооружился металлической кочергой и вошел в дом. То, что он увидел, заставило его содрогнуться. Весь дом был залит кровью, и, чтобы не испачкаться, сосед вынужден был пройти к входной двери вдоль стены. Особенно ужаснула всех смерть 8-месячного младенца, у которого была вдребезги разбита голова, да еще вдобавок перерезано горло. Стало ясно, что здесь побывал настоящий дьявол.

На следующий день весть о зверском убийстве на Ратклиф Хайвэй облетела весь Лондон. Такого в городе давно уже не происходило, поэтому случившееся вызвало панику среди добропорядочных горожан. Все понимали, что убийца не остановится на одном преступлении и скоро объявится вновь.

В те годы полиция Лондона была малочисленна, а детективных агентов насчитывалось всего 15 человек (Скотланд-Ярд появится только в 1842 году). Эти агенты, так называемые бой-стрит-ринеры (сыщики с Боу-стрит) были профессионалами, однако малое их число сказывалось на результатах работы. Преступность в городе росла, а власти и не думали совершенствовать полицию. В результате в те годы на каждые 822 жителя Лондона приходился один преступник. Правда, убийц среди них было гораздо меньше, чем, к примеру, грабителей, которых насчитывалось около 30 тысяч. Однако простым горожанам от этого было не легче.

Между тем преступник с Ратклиф Хайвэй не оставил практически никаких следов. И хотя сыщики с Боу-стрит со слов свидетелей установили примерный облик убийцы, найти его тогда так и не сумели. А тот между тем уже готовился к новому преступлению, причем местом его совершения избрал дом на Грэвэл Лэн, который находился в нескольких десятках метров от дома торговца Марра.

В доме на Грэвэл Лэн проживала семья 70-летнего трактирщика Вильямсона, в которую входили его 60-летняя жена, 9-летняя внучка и 40-летняя прислуга. Кроме них, в этом же доме снимал одну из комнат на втором этаже 25-летний коммивояжер, работавший на одной из местных фабрик. Расположенный на первом этаже трактир был на хорошем счету и приносил своему хозяину приличный доход. На эти деньги и рассчитывал преступник.

19 декабря, то есть через 12 дней после убийства на Ратклиф Хайвэй, преступник пришел в трактир Вильямсона и занял место за дальним столиком в углу. Было около 10 часов вечера, и посетителей было уже не так много. Все прекрасно знали, что ровно в одиннадцать часов хозяин лично выпроваживает последнего клиента. Знал это и преступник, который и стал тем самым последним посетителем. Вместе с хозяином он отправился к двери и, когда старик пожелал ему спокойной ночи, внезапно выхватил из-под плаща молоток и обрушил его на голову Вильямсона. Трактирщик повалился на пол, однако убийца подхватил его и почти бесшумно уложил у двери. Достав нож, он привычным движением перерезал жертве горло.

Кроме старика-хозяина, на первом этаже находилась и прислуга – 40-летняя женщина, которая занималась уборкой. Именно она едва не нарушила все планы преступника. Когда он осторожно подкрадывался к ней, она, услышав шорох его шагов, обернулась и, прежде чем он ударил ее, вскрикнула: «Нас убивают!»

На шум проснулся 25-летний постоялец. На его счастье, преступник не стал подниматься на второй этаж, а направился в комнату хозяина. Там находилась жена старика, она, на свою беду, была глуховата и не слышала того, что происходило в трактире. Она стала третьей жертвой. Расправившись с ней, преступник бросился к хозяйскому шкафу, где хранились деньги и серебро.

Пока он возился с большой связкой ключей, молодой постоялец вышел из своей комнаты и, осторожно ступая, подошел к лестнице, ведущей вниз. Наслышанный, как и все в городе, об убийстве на Ратклиф Хайвэй, коммивояжер старался действовать осторожно и стал бесшумно спускаться вниз. Он достиг половины пути, когда увидел лежавшую на полу в луже крови служанку. Теперь никаких сомнений в том, что происходит в доме, не оставалось. Соблюдая осторожность, он вернулся на второй этаж. Сразиться с вооруженным убийцей ему и в голову не пришло, поэтому он поставил перед собой одну задачу: немедленно уносить ноги из этого проклятого дома. И тут он вспомнил о 9-летней внучке хозяев, которая мирно спала в комнате рядом. Девочку необходимо было спасти, но как это сделать? Если войти в ее комнату и разбудить, кто поручится, что она не расплачется от страха и не станет звать бабушку или деда? А это может услышать убийца.

Переполюснутый этими колебаниями, молодой человек постоял несколько мгновений возле спальни девочки, повернулся и пошел в свою комнату. Он решил не рисковать, спастись сначала самому, а затем поднять крик и тем самым спасти и девочку.

Открыв окно комнаты, он понял, что прыгнуть вниз – получить травму. Единственный выход – спуститься с помощью какого-нибудь приспособления. Под рукой у него были только простыня и одеяло. Из них он и решил смастерить веревочную лестницу.

К этому времени убийца нашел все, что искал. Теперь ему не терпелось осмотреть второй этаж.

К несчастью, веревка, которую второпях смастерил молодой человек, оказалась слишком короткой, и коммивояжер повис в воздухе, не решаясь прыгнуть вниз. А преступник уже проделал половину пути и неумолимо приближался к комнате 9-летней девочки. И тут в дело вмешалось само Провидение.

Висящего на простыне молодого человека заметили случайные прохожие. Они подбежали и подхватили прыгнувшего коммивояжера. И тот тут же стал кричать на всю улицу: «В доме убийца! Убийца!» Этого крика было вполне достаточно, чтобы уже через минуту все окна ближайших домов осветились огнем. Люди высыпали на улицу, вооруженные кто чем мог. Поняв, что в доме Вильямсонов находится убийца, люди стали выламывать входную дверь. Преступник поспешил скрыться с места преступления через черный ход. Однако в спешке он забыл орудие преступления – молоток, на рукоятке которого были выгравированы две буквы – И. П.

На следующий день все лондонские газеты написали о случившемся и сообщили не только о буквах на молотке, но и о том, что все убийства совершены с помощью ножа, напоминающего нож испанских матросов «навайя». Это были серьезные улики, которые могли вывести на преступника. Ждать этого пришлось недолго.

Через несколько дней в полицию явились хозяева кабачка «Грушевое дерево», которые рассказали, что в одной из их комнат живет некий Виллиамс, бывший матрос на Ост-Индийской линии. У него, по их словам, был именно такой нож, молоток тоже был известен владельцам кабачка. Некоторое время назад у них проживал швед-моряк, Иоганн Петерсен, который, уехав, забыл молоток. На его рукоятке были именно эти инициалы – И. П. Одно время им забавлялись дети владельцев кабачка, но недавно он куда-то запропастился.

Этих сведений было достаточно, чтобы сделать вывод о возможной причастности к этим убийствам постояльца «Грушевого дерева» Виллиамса. 23 декабря, на четвертые сутки после бойни на Грэвэл Лэн, он был арестован. Под тяжестью улик он признался и был приговорен к смертной казни через повешение. Жители Лондона облегченно вздохнули, однако замки и цепочки со своих дверей так и не сняли.

Французский урод (1855–1861)

В середине 19-го века славу французской уголовной полиции «Сюртэ» составляло только парижское отделение. Созданное в 1810 году знаменитым уголовником Видоком, это отделение за короткий срок сумело достичь небывалых результатов в борьбе с преступностью и обеспечить Парижу вполне спокойное существование. Даже после того, как в 1833 году Видок вынужден был уйти в отставку, парижское «Сюртэ» продолжало считаться одной из лучших полицейских служб в мире. Картотека ее была обширной, а в 40-е годы к ней прибавилась и фотокартотека, которая к 1855 году насчитывала 30 тысяч фотографий преступников.

В отличие от Парижа, остальные отделения французской полиции не могли похвастаться подобным уровнем работы. Например, в Лионе в 1855–1861 годах происходили неоднократные убийства молодых женщин, а местная полиция долгое время не могла выйти на след преступника, хотя вычислить его не составляло особого труда.

Эта история началась 18 февраля 1855 года в лесу Монтоверн под Лионом. В тот день там охотились пятеро мужчин, и один из них, углубившись в чащу, внезапно обнаружил обнаженный труп молодой женщины. Судя по всему, она была изнасилована и убита, причем убийца буквально искромсал ножом ее некогда молодое и прекрасное лицо.

Полиция, извещенная об этой страшной находке в тот же день, довольно быстро установила, что погибшей оказалась Мари Бадей. Девушка работала служанкой у некой мадам Оссандон в течение нескольких месяцев, но 26 февраля, за два дня до того, как ее тело нашли в лесу, она сообщила хозяйке, что некий мужчина предложил ей более выгодную работу, и мадам Оссандон тут же ее рассчитала. Кто был этим таинственным мужчиной, хозяйка, к сожалению, не знала. Но полицейские резонно предположили, что им вполне мог быть кто-то из местных жителей. Ближе всего к месту обнаружения трупа находилась деревня Трануа, с которой полицейские и начали свой обход. Однако он не привел к положительным результатам. Единственное, что удалось выяснить – несколько местных жителей слышали вечером 26 февраля крики в лесу, но не придали им особого значения.

Между тем с марта по ноябрь 1855 года в полицию обратились три девушки, которые рассказали примерно одну и ту же историю. Некий незнакомый мужчина с изуродованным лицом знакомился с ними на улице и предлагал выгодную работу в хозяйстве своего господина близ Монтлюэля. По дороге туда незнакомец внезапно набрасывался на девушек и пытался повалить их на землю. Всем троим чудом удалось вырваться из его рук. Правда, у одной он отобрал 50 франков. Полиция с интересом выслушала эти рассказы, аккуратно их запротоколировала... и тут же о них забыла. Видимо, благополучный исход успокоил лионскую полицию, и она не предприняла никаких мер для поиска злоумышленника.

В течение последующих пяти лет в полицию обратились еще несколько женщин, которые жаловались на мужчину с изуродованным лицом, предлагавшего им выгодную работу, но по пути к месту назначения внезапно нападавшего на них. Полиция обладала полным и достаточно подробным описанием этого человека, однако найти его так и не смогла. И объяснялось это просто: круг поисков был весьма узок, а расширять его полиция просто поленилась. Бескровность этих нападений усыпляла полицейских.

Перелом наступил в мае 1861 года. В полицию обратилась Мари Пишон, которая рассказала, что несколько дней назад (26 мая) на лионском мосту Гийотен к ней обратился мужчина с изуродованным лицом. Определив по ее внешнему виду, что она работает служанкой, мужчина предложил ей более выгодную работу в одном из богатых домов в Монтлюэле. Девушка попросила дать ей время, чтобы обдумать предложение, однако незнакомец сообщил, что его хозяин повелел привести к нему служанку в тот же день. Мари колебалась, но, услышав сумму

будущего жалования – 250 франков, она дала согласие и, оставив незнакомца на улице, побежала к своей хозяйке за немедленным расчетом.

Когда поезд привез их в Монтлюэль, было уже темно. Мари испытывала некоторую тревогу; впрочем, незнакомец держался настолько уверенно и просто, что ее тревога улетучилась. Они шли по огромному полю, мужчина нес на плече ее корзину и всю дорогу описывал ей прелести предстоящей работы. Так они дошли до деревянного моста через овраг. Здесь незнакомец попросил Мари подождать несколько минут, а сам перешел мост и скрылся в кустах. Девушка вполне резонно подумала, что ее спутник отправился по малой нужде и со спокойной душой уселась на траву.

Тем временем незнакомец, как только кусты скрыли его от постороннего взора, извлек из кармана брюк длинную веревку с петлей на конце и, намотав ее на руку, отправился в обход оврага. Пройдя несколько метров, он очутился за спиной у безмятежно сидевшей девушки. Осторожно ступая, незнакомец стал медленно приближаться, а когда до нее оставалось несколько шагов, он размахнулся и бросил свой аркан. Однако сделал он это неудачно, и девушка, услышав за спиной шум, повернулась всем корпусом назад. В результате петля только скользнула по ее плечу. Незнакомец бросился на Мари, пытаясь повалить ее на землю, но девушка проявила чудеса ловкости, сумела вырваться и бросилась бежать. Она бежала так быстро, что незнакомец скоро отстал от нее на несколько шагов. Этого расстояния ей хватило, чтобы вскоре и вовсе скрыться из поля его зрения. Она выбежала на железнодорожные пути, перелезла через невысокую изгородь и бросилась к первому же стоявшему поблизости дому.

Рассказ Мари Пишон был абсолютно идентичен тем рассказам, что на протяжении шести лет полиция выслушивала от других девушек. И везде фигурировал мужчина с изуродованным лицом. Но только после истории с Мари Пишон комиссар лионской полиции решил наконец провести тщательное расследование случившегося. На ноги были подняты не только значительные силы жандармов, но и местные жители. Несколько десятков человек прочесали местность возле моста, где девушка подверглась нападению, пытаясь найти хоть какие-нибудь следы преступника. Вскоре одна из поисковых групп очутилась в окрестностях общины Даньо. Местные жители сообщили, что в их общине есть одна подозрительная пара – супружеская чета Дюмойяров. Причем глава семейства Мартин Дюмойяр внешне не очень приятен: у него шрам на лице и большая опухоль на верхней губе. Это обстоятельство заинтересовало полицию, которая тут же задержала подозрительную пару.

В ходе первого же допроса стало ясно, что супруги Дюмойяр говорят неправду. Видимо, арест явился для них полной неожиданностью, и они так и не сумели заранее договориться о том, как себя вести в подобной ситуации. На вопрос о том, что они делали 26 мая, в день нападения на Мари Пишон, оба начали давать абсолютно различные показания.

Тем временем тщательный обыск в доме Дюмойяров дал весьма неожиданные результаты. Было обнаружено огромное количество всевозможного женского белья самых разных размеров, в частности: 71 носовой платок, 67 пар чулок, 38 шляпок, 10 корсетов и т.д. Всего же насчитали 1056 предметов женского туалета. Когда об этом спросили жену Дюмойяра, та не сумела дать вразумительного ответа, почему в ее гардеробе такое количество добра, большая часть которого не подходила ей по размеру.

Развязка этой истории наступила, когда в полицию прибыла Мари Пишон и ее ввели в комнату, где находился Мартин Дюмойяр. Девушка опознала в нем того человека, который напал на нее возле моста. С этого момента полиция не сомневалась в том, что перед ней охотник на молоденьких служанок.

В ходе следствия полиция проверила возможную причастность Дюмойяра к бесследному исчезновению нескольких девушек, служивших как в Лионе, так и в его окрестностях. Сам Дюмойяр на все вопросы отвечал одно и то же: ничего, мол, не знаю. Но тут в дело вмешалась его супруга.

Во время одного из допросов следователь сообщил ей, что ее муж во всем сознался. Уставшая от многочисленных изнурительных допросов женщина поверила и тут же рассказала о том, что одну из своих жертв ее муж закопал в лесу близ Монмэна. Полицейские выехали к указанному месту и действительно обнаружили там человеческий скелет с раздробленным черепом.

Но Мартин Дюмойяр был слишком хитер, чтобы так просто подставить свою голову под топор палача. Как только следователь предъявил ему обвинение в этом убийстве, Дюмойяр согласился с тем, что он действительно закопал труп в лесу, однако убивал девушку не он. Он поведал душеспитательную историю о том, как двое незнакомых ему людей, пригрозив убийством ему и его жене, заставляли его прятать тела молодых девушек, которых эти неизвестные выслеживали, насиловали и убивали. За эту работу «могильщика» Дюмойяр получал вещи убитых.

Полиция не поверила в рассказы Дюмойяра и продолжила поиски свидетелей, которые помогли бы уличить его. И таких свидетелей за восемь месяцев следствия было обнаружено около 70 человек. По их показаниям, в лесу в Монтмозеле было найдено еще несколько трупов женщин. И вновь активную помощь в деле розыска погибших оказала супруга Дюмойяра. В сущности, это была глубоко несчастная, психически больная женщина. Брак с этим человеком не принес ей радости, а в последние годы и вовсе превратился в ад. Дюмойяр часто бывал агрессивен, избивал жену, иногда насиловал. И лишь в те моменты, когда он возвращался домой после «охоты» на служанок, его агрессия проходила. Он был на удивление добр, мягок и дарил своей супруге вещи убитых им женщин. Он любил рассказывать жене о своих похождениях и особенно смаковал детали убийств. Постепенно эти рассказы настолько захватили его супругу, что она порой просила мужа пересказывать ей их вновь и вновь. В их доме это стало чем-то вроде ритуала, который скрашивал их скучные совместные вечера.

Суд над убийцей служанок состоялся в городе Бурже 29 января 1862 года. Он длился не один день и в конце концов привел к закономерному результату: Мартин Дюмойяр был приговорен к смертной казни, его супруга получила 20 лет каторжных работ. Через месяц, в марте 1862 года, на одной из площадей Бурже топор палача опустился на шею Дюмойяра. В толпе многочисленных зевак не нашлось ни одного сочувствующего ему человека.

Герои-бандиты (1850–1921)

В середине XIX века, в разгар промышленной революции, в большинстве стран Западной Европы кривая преступности стала неуклонно расти. Во Франции в период с 1840 по 1886 год преступность подскочила на 130 процентов, а в Германии с 1895 по 1905 – на 65,5 процента. Однако европейская преступность того времени не шла ни в какое сравнение с тем, что происходило в Соединенных Штатах Америки, где насилие стало привычным элементом общественного развития. Как писал влиятельный журнал «Тайм» в апреле 1981 года, «Соединенные Штаты Америки родились в атмосфере насилия. Их мифы связаны с завоеванием новых рубежей, когда царствовал тот, кто быстрее стрелял, и когда судьба любого человека находилась в его руках...»

«Завоевание новых рубежей» началось в США с 1820 года, когда конгресс принял чрезвычайно льготный для переселенцев закон, согласно которому акр земли стоил один доллар двадцать пять центов, а минимальный размер продаваемого участка был снижен со 160 до 80 акров. С этого момента тысячи переселенцев двинулись на необжитой Запад. Это была многоязычная, разнородная масса людей, состоявшая из англичан, голландцев, немцев, ирландцев, шотландцев и других народностей, которые так и не нашли счастья у себя на родине. В большинстве своем это были люди среднего достатка, скромные и глубоко религиозные. Они ехали на Запад целыми семьями и прекрасно понимали, что только сообща, объединившись, смогут преодолеть все трудности и препятствия, поджидавшие их на этом нелегком пути.

Была среди этих переселенцев и особая прослойка людей, которых можно смело назвать авантюристами. Для этих в основном молодых людей, не обремененных семейными или национальными связями, без твердых нравственных устоев и религиозной морали, путешествие на Запад стало чем-то вроде увеселительной прогулки, во время которой все выпадавшие на их долю опасности принимались как должное. Именно благодаря подобного рода авантюристам вся эта территория и получила впоследствии название «Дикий Запад», что было связано не с природными особенностями этих мест, а с жестокостью царивших там нравов.

Поначалу количество этих авантюристов было не таким уж и большим, но после войны с Мексикой в 1840 году в состав Соединенных Штатов вошли Техас, Нью-Мексико, Калифорния. Именно на территории последней, в долине Сакраменто, первыми переселенцами было найдено золото. И эта находка заставила огромную массу людей тронуться с места. А, как гласит древняя притча, «рядом с золотом всегда соседствует смерть».

Одним из самых известных бандитов на Диком Западе в 50-е годы XIX века был Хоакин Муриетта. Мексиканец по национальности, в период «золотого бума» он с тысячами своих соотечественников и людьми других национальностей отправился в Калифорнию. Однако погоня за золотом не принесла ему счастья. В один из дней 1850 года он потерял не только свою невесту, но и дом, который сожгли местные жители. Муриетте чудом удалось спастись, и вскоре он примкнул к банде грабителей и убийц, орудовавшей на территории Калифорнии. Пробыв в банде всего три года, Муриетта сумел натворить немало.

В банде лучшим признавался тот, кто сумеет убить больше человек. А так как банда состояла примерно из ста человек, и каждый из них убил как минимум десятерых, то можно представить масштаб этих убийств. Сам Муриетта отличался патологической жестокостью, убивая всех, кто попадался ему под руку, особенно ненавидел китайцев.

Жестокость банды Муриетты вызывала ненависть со стороны местных жителей, однако местная власть была сплошь коррумпирована, и поэтому бандиты в течение трех лет безнаказанно вершили свои преступления. И лишь в 1853 году наступил закономерный финал: отряд калифорнийских рейнджеров выследил банду и застал ее врасплох. В той схватке большая

часть бандитов была уничтожена, в том числе и 23-летний Хоакин Муриетта. Однако это был еще не конец истории.

Зная, какой страх наводил этот бандит на всех жителей, рейнджеры пошли на необычный эксперимент. Они отрубили Муриетте голову, заспиртовали ее и выставили на всеобщее обозрение. Причем желающие поглазеть на знаменитого бандита (многие только слышали о нем, но не видели) должны были заплатить один доллар.

Еще одним героем Дикого Запада в те годы был Куллен Бейкер. В тот год, когда Хоакин Муриетта принял смерть от пуль рейнджеров, Бейкеру было 18 лет, однако он уже наводил страх на жителей округа Каас в Техасе. Бейкер был непревзойденным стрелком и часто развлекался тем, что заставлял кого-нибудь из горожан «плясать» под аккомпанемент его выстрелов. За это в 1854 году одна из его жертв подала на него в суд. Но Бейкер не стал дожидаться конца разбирательства, а в один из дней явился в дом к отцу большого семейства, мистеру Бейли, который должен был выступить на этом процессе против него, и застрелил его. После этого Бейкер на четыре года исчез из родных мест.

В 1858 году он вновь объявился для того, чтобы перевезти своих жену и дочь в соседний округ Перри, штат Арканзас. Но вскоре его жена умерла, и дочь осталась на попечении деда, проживавшего в округе Салфер. Сам Бейкер никогда не обременял себя отцовскими обязанностями, а теперь и вовсе стал свободным, как ветер. В 1860 году в пьяной драке ударом кинжала он убил еще одного человека – мистера Уортхэма.

В Гражданскую войну 1861–1865 годов Бейкер воевал на стороне Юга (конфедераты), но дисциплина действовала на него угнетающе, и вскоре он дезертировал из армии и поселился в Спэниш-Блаффсе. Весной 1864 года в городок вошла негритянская часть северян, которая занималась вылавливанием дезертиров из армии конфедератов.

Когда солдаты вошли в город, Бейкер находился в салуне и ни о чем не подозревал. Потягивая виски, он стоял у стойки бара, и в эту минуту в заведение вошли четверо солдат. Увидев на Бейкере потрепанный мундир конфедерата, они направились к нему.

– Кто вы такой? – спросил сержант, когда они подошли к стойке, и это было последнее, что он успел сказать в своей жизни.

Рука Бейкера молниеносно скользнула к кобуре, и в следующую секунду кольт 44-го калибра извергнул четыре пули. Каждая из них попала точно в цель, и все четверо были убиты на месте, а Бейкер спешно покинул пределы городка.

Отныне у ставшего врагом обеих воюющих сторон Бейкера был один путь – в бандиты. Осенью 1864 года он сколотил банду и занялся грабежами в Восточном Техасе. Так продолжалось до конца 1865 года, когда он на время «завязал».

В январе 1866 года Бейкер с новой женой Мартой осел в Лайн-Ферри и занялся речным перевозом. О былых бандитских делах ему никто не напоминал. Но так продолжалось недолго. Бейкер был плохо приспособлен к размеренной гражданской жизни, и его руки постоянно тянулись к револьверу. В конце концов он вновь совершил убийство.

В июне 1867 года он появился в бакалейную лавку некоего Роудена и в отсутствие хозяина набрал товара на приличную сумму. А когда через несколько часов Роуден приехал к нему и потребовал денег, Бейкер не нашел ничего лучшего, как схватиться за револьвер: его рука не дрогнула, и торговец был убит четырьмя выстрелами в упор. Покинув городок, Бейкер скрылся в дикой местности неподалеку от Салфер-Боттом. Его поисками занимались солдаты федеральных войск, но преступнику дьявольски везло. Когда однажды на переправе Петт на Салфере его настигла погоня, он сумел не только благополучно уйти, но при этом умудрился застрелить сержанта. Во время следующей стычки он убил еще одного солдата, а в третий раз, едва он схватился за свои шестизарядные револьверы, солдаты просто пустились наутек.

Слава о Бейкере как о неуловимом бандите распространилась по всему Восточному Техасу. На его поимку были брошены значительные силы федеральных войск, но Бейкер

успешно скрывался от них в болотах и зарослях Салфера. Дело дошло до того, что однажды он в одиночку напал на правительственный фургон, убил одного солдата, а остальных четверых обратил в бегство. После этого случая на его поиски было выделено 500 солдат, но Бейкер умудрялся перехитрить и их.

В октябре 1868 года он появился в городок Бостон и разыскал там капитана Крикхэна, который отвечал за его поимку.

– Кажется, вы ищете Куллена Бейкера? – спросил он. – Он перед вами.

Капитан схватился за оружие, однако Бейкер был проворнее. Грянул выстрел, и армия потеряла еще одного офицера. Преступник же благополучно скрылся.

Эта наглая выходка настолько возмутила власти, что губернатор штата Клейтон объявил за голову Бейкера награду в тысячу долларов. Но и это не помогло.

В ноябре 1868 года Бейкер сколотил банду из десяти человек и совершил несколько набегов на фермы в округах Севьер и Литтл-Ривер в Арканзасе, при этом были убиты два высоких должностных лица. Все эти события, а также бессилие уже и государственной милиции вынудили местных фермеров искать с ним компромисса. Ему была обещана всеобщая амнистия, если он добровольно сдастся властям. Однако Бейкер не поверил в это. В том же ноябре в двух местных газетах было опубликовано его письмо, в котором он заявил: «Я вовсе никакой не убийца, каким окрестила меня молва, будто я убиваю направо и налево всех, белых и черных, и я полон решимости в будущем делать все возможное ради благоденствия миролюбивых граждан той страны, в которой я нахожусь...»

Между тем развязка неумолимо приближалась.

В начале 1869 года Бейкеру и его банде вновь удалось перехитрить несколько тысяч солдат и скрыться в Канзасе. Там проживала некая Белл, которая ранее отвергла его любовь, предпочтя молодого школьного учителя Томаса Орра. Именно этот человек и поставил последнюю точку в этой истории.

6 января Орт узнал, что Бейкер находится поблизости и ищет встречи с Белл. Взяв трех жителей городка (остальные идти наотрез отказались), Орт отправился на поиски бандита.

Они нашли их беспечно отдыхающими на привале всего лишь в миле от города. Эта беспечность и стоила им жизни. Появление Орра и трех его дружков стало для них столь внезапным, что они даже не успели схватиться за револьверы. Куллен Бейкер и несколько членов его банды были убиты на месте своего последнего привала.

Еще одним знаменитым бандитом Дикого Запада был в те же годы Билл Хикок, которого людская молва за его характер окрестила Неистовым.

Он родился в мае 1837 года под именем Джеймса Батлера в небольшом городке Трой в штате Иллинойс. Его буйный нрав стал проявляться еще в детстве, и однажды в 16-летнем возрасте он жестоко избил своего сверстника. Опасаясь наказания, сбежал на Запад, в штат Канзас. Там он вступил в отряд борцов против рабства, который носил название «Красные ноги». Этот отряд действовал на территории штата Миссури и отличался крайней жестокостью к местным фермерам. Именно тогда Батлер и взял себе псевдоним Билл Хикок и вдобавок к нему получил прозвище Неистовый: в драках он не успокаивался до тех пор, пока не калечил своего противника. Однако, кроме этого, он имел еще одно прозвище, которое редко кто осмеливался произнести – из-за выступающей вперед губы его окрестили Дик Утка. Именно из-за этого прозвища однажды и произошла трагедия.

В 1861 году, когда Хикок уже несколько остепенился и жил на посту в Рок-Крике, штат Невада, двое братьев – 12-летний Джек и 9-летний Энди Макколл – ради шутки обозвали его Дикой Уткой. Ярость Хикока была настолько велика, что он догнал младшего из братьев и ударом мотыги по голове убил его на месте. В те годы на просторах Небраски практически не ведали, что такое закон, поэтому родители мальчика так и не сумели привлечь убийцу к ответственности.

Тем временем Хикок совершил еще одно преступление. 12 июля 1861 года на посту в Рок-Крике, где он числился рядовым конюхом, Хикок хладнокровно расправился сразу с тремя мужчинами, которые приехали за причитающимися им от почтовой компании деньгами. Но вместо денег они заработали по пуле от Неистового Билла.

После этого Хикок все-таки угодил в руки правосудия и должен был понести суровое наказание. Но в это время началась Гражданская война между Севером и Югом, и Хикок оказался на свободе. Он ушел служить в армию северян и был зачислен в разведчики. Его отчаянная храбрость и мастерство владения оружием снискали ему громкую славу в Союзной армии. О нем ходили фантастические легенды. Например, одна из них гласила, что за три дня (6–8 марта 1862 года) Хикок из-за укрытия убил 36 солдат-конфедератов, в числе которых оказался и генерал Маккалок.

После окончания войны в 1865 году Хикок был уволен с военной службы и поселился в городке Спрингфилд, в штате Миссури. Однако жители города невзлюбили его за слишком буйный нрав. Обычно Хикок напивался до свинского состояния и задирал горожан, вызывая каждого на поединок. 21 июля 1865 года некий Таттом, положивший глаз на девушку, которая нравилась и самому Хикоку, принял этот вызов. Соперники сошлись в поединке на городской площади. Пуля Таттома просвистела всего в нескольких миллиметрах от головы Хикока, в то время как пуля последнего угодила точно в сердце. Власти штата признали это убийство вполне оправданным и не привлекли Хикока к ответственности.

Тем временем всенародная слава пришла к Хикоку вскоре после этой дуэли. Некий полковник Джордж Уорд Николс написал о нем восторженную статью в газете «Харперс Уикли». Следом за ним влиятельная газета «Нью-Йорк Геральд» направила своего лучшего журналиста Генри Стенли взять интервью у «героя прерий». То же самое сделали и другие газеты рангом пониже. Все это в конце концов привело к тому, что в феврале 1866 года Хикок был назначен заместителем маршала в Форт-Райли, штат Канзас. В его непосредственные обязанности входила борьба с конокрадством. Для Хикока, всегда любившего пострелять, эта должность открывала большие возможности.

В 1867–1868 годах Хикок ушел разведчиком в отряд генерала Хэнкока и участвовал в войне с индейцами. Досушие газетчики и там следовали за ним по пятам и регулярно публиковали о нем статьи-панегирики.

23 августа 1869 года Хикок был избран шерифом Хейс-Сити, штат Канзас, городка, который практически никогда не слышал ни о каких законах, и это Хикоку нравилось больше всего. Уже на следующий день после своего вступления в должность он сразился с самым отпетым местным головорезом Биллом Малви и прикончил его одним выстрелом из 5-зарядного английского револьвера «Дин-Адамс» 45-го калибра. А 27 сентября точно так же он расправился еще с одним нарушителем спокойствия – Сэмюэлем Стровимом. Все это подняло славу Хикока на небывалую высоту, и в те дни он был самым знаменитым человеком на Диком Западе.

Между тем необузданная страсть Хикока к собственному револьверу привела его к конфликту с законом. 17 июля 1870 года в одном из салунов Хейс-Сити он повздорил с солдатами и во время драки метким выстрелом убил сержанта и тяжело ранил рядового. Был отдан приказ арестовать Хикока, но он вовремя скрылся из города.

Проскитавшись по прериям несколько дней, Хикок оказался в городке Абилин, где уже несколько месяцев не было собственного маршала. И как это ни удивительно, но местные власти предложили ему занять это место, и в апреле 1871 года он официально вступил в должность. Так же, как и в Хейс-Сити, Хикок на новой должности полагался исключительно на свое виртуозное владение оружием. Он постоянно носил с собой обрез, обычное ружье, охотничий нож и два револьвера, при каждом удобном случае пуская их в ход, не оставляя противнику ни малейшего шанса. Однажды во время разборки с неким Филом Коу Хикок настолько увлекся

стрельбой, что убил не только противника, но и случайно сразил своего лучшего друга Майкла Уильямса.

В 1872 году Хикок уехал из Абилина и одно время работал в Нью-Йорке в цирковой программе знаменитого Буффало Билла Коуди, где демонстрировал зрителям свое мастерское владение револьвером. Но, вполне добропорядочный на сцене, за ее пределами Хикок вновь становился Неистовым. Во время ссоры в городке Сидни, в штате Небраска, он хладнокровно застрелил сразу трех посетителей танцевального зала. И опять избежал наказания.

17 мая 1876 года в районе Черных Холмов, в штате Миссури, Хикок едва не погиб, но в последнее мгновение проявил незаурядную меткость.

Он ехал в дилижансе, когда на него внезапно напали пятеро бандитов во главе с давним его врагом Фрэнком Кулли. В перестрелке Хикок застрелил четверых нападавших, но у него кончились патроны. Кулли уже торжествовал победу, направляя револьвер на Хикока. Но Хикок не растерялся и метнул один из пустых револьверов системы «Генри» в противника. Бросок был настолько метким, что револьвер угодил Кулли точно в висок, и тот от страшного удара скончался на месте.

И все-таки смерть настигла этого удачливого авантюриста. Будучи страстным игроком в покер, он всегда садился за стол спиной к стене, чтобы видеть все, что происходит в зале. Однако 2 августа 1876 года он пренебрег этим правилом и сел спиной к залу. В это время в салун города Дедвуда вошел молодой человек, который прошел через весь зал и, подойдя сзади к Хикоку, разрядил ему в голову свой револьвер 45-го калибра. На момент смерти Хикоку было всего 39 лет.

Как выяснилось, этим убийцей оказался 27-летний Джек Макколл, тот самый, 9-летнего брата которого Хикок 15 лет назад убил мотыгой. Таким образом Джек отомстил за смерть своего брата. Однако эта месть стоила ему весьма дорого: 31 марта 1877 года он был повешен.

В те же годы, когда имя Билла Хикока гремело на бескрайних просторах Дикого Запада, там же делал свою карьеру и другой знаменитый авантюрист Билл Лонгли.

Он родился в октябре 1851 года в Техасе и уже в 14 лет виртуозно владел револьвером. Он мог на всем лошадином скаку шесть раз подряд поразить круг размером с тарелку, нарисованный на стволе дуба. Причем Лонгли научился стрелять с равным успехом как одной рукой, так и сразу двумя.

Свое первое убийство Лонгли совершил в 1868 году, когда ему было всего 17 лет. В тот роковой день возле городка Эвергрин на него напали трое чернокожих, и, защищаясь, Лонгли застрелил одного из них. Остальные тут же бежали. За это убийство Лонгли был объявлен вне закона, но схватить его тогда так и не удалось.

Он отправился в городок Йорктаун, но там его ждало еще одно приключение. На улице его попытался остановить военный патруль, но Лонгли не стал искушать судьбу и вновь пустил в дело свой шестизарядный револьвер системы «данс». В результате он убил сержанта и скрылся.

Преследуемый как гражданскими, так и военными властями, Лонгли примкнул к банде известного нам Куллена Бейкера, который в то время грабил правительственные поезда и часть денег отдавал беднякам-южанам. Но в январе 1869 года Бейкер был убит, и Лонгли вернулся в родной Эвергрин. К тому времени на его счету было уже около двадцати загубленных жизней. Большинство были неграми. За что он и получил кличку «убийца негров».

В 1870 году Лонгли все-таки угодил в руки правосудия, и состоявшийся вскоре суд приговорил его к 13 годам тюрьмы. Но во время перевозки в тюрьму штата Айова Лонгли бежал и целый год скрывался в одном из индейских племен.

В 1873 году он вновь вернулся в Техас под вымышленным именем Уильяма Генри. Однако шериф округа Мадисон Финлей узнал Лонгли по изображению на объявлениях «Разыскивается за убийство» и арестовал его. Когда Лонгли сопровождали под конвоем в Остин,

толпы людей выстраивались на дорогах только для того, чтобы взглянуть на знаменитого 22-летнего преступника. Кое-кто из зевак даже умудрился оторвать клочок его одежды себе на память.

Но и после ареста Лонгли удалось избежать ответственности, и вскоре он благополучно вышел на свободу. Это освобождение Лонгли вскоре компенсировал тем, что сумел уничтожить одного из самых дерзких преступников по имени Скрайер. Хотя многие тогда сомневались в бескорыстии Лонгли, считая, что поступить так его заставила ревность, он не терпел, когда кто-то становился популярнее его.

Они сошлись один на один возле жилища Скрайера. В первые же секунды боя Лонгли прострелил противнику руку, но тот успел вскочить на лошадь и бросился прочь. Лонгли помчался за ним. Скрайер внезапно резко затормозил и встретил Лонгли ураганным огнем своего револьвера. Одна из пуль угодила в лошадь, и Лонгли вместе с ней рухнул на землю. Однако в падении, как настоящий виртуоз стрельбы, он четыре раза подряд выстрелил в противника, и все четыре пули угодили Скрайеру в голову. Как заявил потом Лонгли, Скрайер оказался самым упорным противником, которого ему когда-либо приходилось убивать.

Между тем весной 1877 года в штат Техас постепенно начала возвращаться законность. Новый губернатор штата Ричард Коук разогнал негритянскую полицию и полицию штата. Вместо них за соблюдением законности стали надзирать техасские рейнджеры. Всех преступников, ранее чувствовавших себя вольготно, стали отлавливать по одному и отдавать под суд. За поимку Билли Лонгли, который при новой власти вновь ударился в бег, была объявлена награда в 1050 долларов. Как писали тогда газеты, на его счету было уже 32 убийства.

Пока рейнджеры сбивались с ног, рыская в поисках Лонгли по всему Техасу, тот переехал в Луизиану и там арендовал небольшой участок земли под Кичи в общине Де-Сото. Кажется, впервые он решил всерьез взяться за ум, остепениться и жить в свое удовольствие. Но сделать это ему так и не позволили.

Один из местных полицейских, с которым он успел близко сойтись, заподозрил неладное и сообщил о своих подозрениях шерифу. 13 мая 1877 года Лонгли арестовали и отправили в Техас под усиленной охраной. 27 июня газета «Уочмен» сообщила своим читателям, что «знаменитый убийца из округа Ли, Техас, Билл Лонгли, 26 лет, наконец-то арестован».

В тюрьме города Гиддингса Лонгли пробыл больше года. За это время в нем внезапно проснулась страсть к эпистолярному жанру, и он вступил в переписку с рядом техасских газет. В одном из этих писем, он, в частности, писал: «И теперь, юноши, помните те дороги, которыми шел Билл Лонгли, не слушаясь родителей, и, когда вы станете поступать дурно, вспомните, что тропы зла ведут всегда к более широкой дороге далее до тех пор, пока не покажется вам дурным, если вы пойдете по неверной дороге. Моим первым шагом было непослушание, затем – потребление виски, следующий шаг – ношение пистолета; потом – азартные игры и, наконец, убийство, и, как я предполагаю, последним шагом станет виселица...»

В своем предположении Лонгли оказался прав. Несмотря на то, что он раскаялся во всех убийствах, суд приговорил его к смертной казни. 11 ноября 1878 года, за 5 дней до своего 27-летия, Билл Лонгли был повешен в Гидденгсе при огромном стечении народа. Однако, даже несмотря на присутствие такого количества свидетелей, в народе упорно ходили слухи, что Лонгли жив и скрывается от правосудия в Южной Америке. Эти легенды держались удивительно долго, вплоть до 30-х годов 20-го века.

Говоря о бандитах Америки, нельзя не упомянуть и самого знаменитого среди них – Джесси Вудсона Джеймса.

Джеймс родился в сентябре 1847 года в городке Сен-Джозефе, графство Кий, штат Миссури. Его отцом был местный пастор, однако в последующем религиозное воспитание никак не сказалось на его характере. В 16 лет Джесси ушел из дома и во время Гражданской войны (1861–1865) воевал на стороне рабовладельцев-южан, но не в регулярных войсках, а в банде

некоего Кровавого Билла, состоявшей из самых отпетых головорезов. Юный Джесси Джеймс старался ни в чем не отставать от своих старших товарищей и за год отправил на тот свет девять человек.

Когда в 1865 году война закончилась победой Севера, Джесси Джеймс вместе со своим младшим братом Фрэнком решил не складывать оружия и организовал банду, которая действовала на юго-западе страны в течение 10 лет. Все то время власти штата Миссури безуспешно пытались поймать дерзкого бандита, который грабил правительственные поезда и нападал на сборщиков налогов. За голову Джесси Джеймса была объявлена рекордная для того времени награда в 10 тысяч долларов, однако ни один местный житель даже не подумал о том, чтобы выдать того властям. За десять лет банда ограбила 11 банков, 7 поездов, 3 дилижанса, убив при этом 16 человек.

В конце концов в 1876 году банду Джесси Джеймса все-таки удалось разгромить, когда она совершила очередной налет на банк в городе Нортфилд, в штате Миннесота. В перестрелке была перебита почти вся банда, и лишь несколькими преступникам чудом удалось спастись. В числе этих счастливиц были Джесси и Фрэнк Джеймсы.

Джесси решил «залечь на дно», благо возможность для этого у него была. За несколько лет до этого он тайне от банды женился и под вымышленным именем приобрел дом. Там у него и родилось двое детей, и соседи даже не подозревали о том, кто на самом деле живет рядом с ними. Но мирная жизнь Джесси Джеймса продолжалась недолго.

В 1882 году один из бывших членов банды, Роберт Форд, узнал о тайной жизни главаря и 3 апреля застрелил его прямо в его доме. Так завершилась жизнь Джесси Джеймса. На его надгробии родственники вывели: «В память о моем горячо любимом муже Джесси Джеймсе, умершем 3 апреля 1882 года в возрасте 34 лет, 6 месяцев, 28 дней, убитом предателем и трусом, имя которого недостойно здесь фигурировать».

За год до гибели Джесси Джеймса Дикий Запад потерял еще одного знаменитого бандита, самого молодого из всех вышеперечисленных. Звали его Билли Кид.

Он родился в 1860 году, и свое первое убийство совершил удивительно рано – в 12-летнем возрасте. После этого он бежал на Запад и через несколько лет стал предводителем банды скотокрадов. В конце 70-х годов властям все-таки удалось арестовать Билли Кида, однако в тюрьме тот долго не задержался, совершив дерзкий побег и убив при этом двух тюремных надзирателей.

В другой раз на его след вышел сам шериф городка Линкольн, штат Нью-Мексико Брейди, но Билли Кид и на этот раз оказался проворнее стража порядка. Не успел тот опомниться, как Билли Кид выхватил кольт и разрядил его в шерифа. Несмотря на это, губернатор штата Лью Уоллес объявил амнистию для Билли Кида, но тот отказался ее принять. В сущности, это понятно: такие люди, как Билли Кид, с детских лет взращенные на насилии, просто не мыслили себя в мирной, гражданской жизни. Единственное, что они хорошо умели, – это убивать.

Тем временем в июле 1878 года один из ближайших сподвижников Кида англичанин Д. Танстолл был убит в перестрелке с некими Мортонем и Бейкером. Билли Кид клянется отомстить убийцам своего друга и в скором времени действительно выполняет свою клятву. Однако по его следу пускается погоня, и банда Кида укрывается в доме некоего Мака Суэйна. Люди шерифа окружают это убежище бандитов и в течение трех дней (15–18 июля) пытаются выкурить преступников. В конце концов, испробовав все возможные варианты, люди шерифа скатывают с горы бочку с горящей нефтью, и дом вспыхивает от огня. Но даже это не заставляет бандитов сдаться. Стреляя во все стороны, они выскакивают из укрытия и поодиночке скрываются от преследователей. В том числе и Билли Кид.

Удача сопутствовала ему еще в течение трех лет, пока не наступила вполне закономерная развязка. В 1881 году шериф Пэт Гаррет, до этого бывший в приятельских отношениях с Билли

Кидом, во время ссоры разрядил в него свой револьвер. Так убийца 21 человека ушел в мир иной в возрасте 21 года.

Подобного рода мистика присутствует и в судьбе еще одного знаменитого бандита Дикого Запада – Кроуфорда Голдсби, больше известного под кличкой Чароки Билл.

Этот человек родился в штате Техас 8 февраля 1876 года. В его жилах текло сразу три вида крови: белого, негра и индейца. Несмотря на то, что Голдсби учился в католической школе для детей индейцев, это не сыграло положительной роли в его судьбе. В детстве он был мрачным и своенравным; на его характер, видимо, повлияло и то, что отец ушел из семьи сразу после рождения мальчика.

В 16-летнем возрасте Голдсби уже весьма сносно управлялся с револьвером, и первой его жертвой стал негр Джек Льюис, которого он хладнокровно застрелил весной 1894 года. Вскоре после этого Голдсби сколотил банду из четырех человек (одним из них была женщина) и совершил налет на федеральную кассу, в которой индейцы племени чароки получали деньги. После этого он и получил кличку Чароки Билл.

Честный шериф Хустон пустился в погоню за налетчиками, но безуспешно. Более того, сам шериф был убит. Этот налет принес Чароки Биллу большую славу на Западе, и вскоре его пригласил в свою банду знаменитый Билли Кук. В 1894 году именно в составе этой банды Чароки Билл ограбил магазин Шуфельдта в Ленапахе. Во время налета Билл заметил в окне соседнего дома мужчину и, не мешкая ни секунды, с одного выстрела убил свидетеля.

Охота за безжалостным грабителем велась по всему штату с привлечением значительных сил. Какое-то время Чароки Биллу удавалось ускользать, однако в начале 1895 года его все-таки выследили. Его арест произошел при весьма необычных обстоятельствах. Однажды он выпивал в компании двух мужчин и внезапно... уснул. Как оказалось, его собутыльники были помощники местного маршала, которые подсыпали ему в виски клофелин.

Состоявшийся в феврале суд предъявил Чароки Биллу обвинение в убийстве 13 человек и приговорил к смертной казни через повешение. 26 июля Чароки Билл предпринял отчаянную попытку вырваться на свободу. Он застрелил тюремного стражника из ружья, которое накануне ночью его сообщники подбросили ему в камеру через окно. Но сделать большего ему не удалось: он был разоружен и водворен в камеру.

17 марта 1896 года Чароки Билла повесили. И только после этого отметили некоторую мистику в его судьбе, связанную с числом 13. Судили Чароки Билла за убийство 13 человек. На суде количество присяжных равнялось 13, и судья инструктировал их перед заседанием ровно 13 минут. Свидетелей на процессе оказалось тоже 13 человек, да и сам процесс продлился 13 часов. Суд приговорил его к смертной казни, и первоначально она должна была состояться 13 апреля. 26 июля, как мы знаем, Чароки Билл предпринял неудачную попытку бегства и, как утверждали многочисленные свидетели, выстрелил из ружья 13 раз. В день казни он поднялся на эшафот по ступенькам, число которых было 13. Палач сделал 13 витков на петле, и пол ушел из-под ног Чароки Билла в 2 часа 13 минут.

И, наконец, последний бандит Дикого Запада, о котором пойдет речь в этой главе, носил имя Генри Старра и был так же, как и все вышеперечисленные, личностью неординарной. Прозванный в народе, как и Джесси Джеймс, легендарным бандитом Юго-Запада, Генри Старр был знаменит тем, что за всю свою 29-летнюю бандитскую карьеру убил всего одного человека. Случай феноменальный, если учесть полную драматизма судьбу этого человека.

Генри Старр родился в декабре 1873 года на Индейских территориях в Форт-Гибсоне. Его отец был индейцем, мать – индианка на четверть. После смерти отца в доме поселился отчим, и мальчик, не найдя с ним общего языка, ушел из дома. Он стал ковбоем на одном из крупных ранчо и до 1892 года вел вполне спокойную и размеренную жизнь. Однажды на территории ранчо появилась приبلудная лошадь, и Генри приютил ее. Но как выяснилось, эта лошадь имела законного хозяина, который подал на Генри Старра в суд. 19-летнего парня

арестовали. С этого момента он ожесточился, что в конце концов и привело его на преступную стезю. Как бы в отместку властям, Генри Старр занялся кражей лошадей, но затем посчитал это дело слишком несерьезным и принялся за ограбления. Свой первый банк он взял в городке Кейни, в штате Канзас. Это был Национальный банк, который в тот день недосчитался 4900 долларов. Затем последовали вооруженные налеты на склад в Новате и на поезд в Адлере.

Первая и последняя жертва Генри Старра – заместитель маршала из округа Новато Флойд Уилсон. В тот роковой день 1892 года Уилсон опознал Старра и попытался задержать его. Он выстрелил первым, но промахнулся. Выстрелить второй раз он не успел: Старр точным выстрелом в сердце уложил его наповал.

Всю первую половину следующего 1893 года Генри Старр посвятил ограблениям. 5 марта его банда напала на поезд у Приора в штате Оклахома и поживилась 6 тысячами долларов. Во время налета Генри в одном из вагонов познакомился с некой мисс Мэри Моррисон. Она так ему понравилась, что он узнал ее домашний адрес, и эта связь в конце концов привела их к алтарю. Эта свадьба, собственно, и заставила Генри Старра впервые задуматься о своей судьбе. Быть грабителем до конца своих дней он уже не желал и в начале лета решил на свое последнее ограбление.

6 июня его банда напала на банк в Бентонвилле, штат Арканзас, и захватила 12 тысяч долларов. Этих денег Старру и его жене вполне хватило, чтобы уйти от погони и спрятаться в Колорадо-Спрингс. Теперь перед молодоженами маячила долгая и счастливая семейная жизнь. Однако действительность оказалась куда как печальнее. Один из местных жителей опознал в добропорядочном джентльмене бандита и грабителя и тут же дал знать об этом полиции. 4 июля 1893 года Генри Старр был арестован.

Состоявшийся вскоре суд признал Генри Старра виновным в убийстве заместителя маршала Флойда Уилсона и приговорил его к повешению. Однако в тюрьме Старр умудрился совершить героический поступок. Когда 26 июля 1895 года из тюрьмы Форт-Смита попытался бежать известный нам Чароки Билл, именно Генри Старр вступил с ним в переговоры, во время которых и уговорил его прекратить сопротивление и сдать оружие. За этот поступок Старру заменили смертную казнь 13 годами тюрьмы. Он отсидел восемь лет и вышел на свободу в 1904 году.

Однако, став торговцем недвижимостью, Старр недолго оставался добропорядочным гражданином. Имея скромную зарплату, он вспоминал о том, как ему за один налет удавалось получить сразу несколько годовых зарплат. И Генри Старр не выдержал.

13 марта 1908 года вместе со своим старым компаньоном Кидом Уилсоном Старр напал на банк в городке Тиро и «заработал» 2500 долларов. Прошло немного времени, и вот уже летом они ограбили банк в Амите, штат Колорадо, сорвав куш в несколько тысяч долларов. С этими деньгами можно было жить в свое удовольствие в каком-нибудь тихом городке, и Старр уже собирал вещи, чтобы так и сделать. И в этот момент его арестовали в Аризоне в самом начале 1909 года.

Суд не пошел на снисхождение и приговорил Генри Старра к 25 годам тюрьмы. За его спиной вновь захлопнулась тюремная дверь, и, казалось, удача навсегда отвернулась от этого человека. Выйти на свободу ему теперь предстояло в возрасте 61 года, а это был уже закат жизни. Но Генри Старр и на этот раз сумел перехитрить судьбу.

В заключении он вел себя настолько идеально, что уже в 1913 году власти штата решили освободить его досрочно с условием, что он никогда не появится в их штате. Старр такое слово дал и в тот же день был отпущен.

Вернувшись в свой родной округ Талса, Генри Старр около двух лет вел себя вполне законопослушно, но в 1915 году его терпение иссякло. К тому времени у него родился сын, и он решил обеспечить его будущее испытанным методом.

27 марта его банда совершила невероятное в тогдашней криминальной истории Америки: в один день в городе Страуд, штат Оклахома они напали сразу на два банка и завладели 5 тысячами долларов. Однако в момент отхода Генри Старру не повезло. Некий 15-летний Поль Курри, оказавшийся невольным свидетелем ограбления, принес из соседней лавки ружье и прицельным выстрелом ранил Старра в ногу. Таким образом, все остальные грабители благополучно скрылись, а их главарь был схвачен. Состоявшийся суд приговорил неисправимого грабителя к 25 годам тюрьмы.

И вновь Старр не отсидел и половины отмеренного срока. В 1919 году «за образцовое поведение» он был помилован и отпущен на свободу. Это было уникальное явление в американской юриспруденции тех лет.

В третий раз очутившись на свободе, Генри Старр внезапно решил посвятить себя... кинематографу. Он посчитал свою судьбу настолько уникальной, что задумал воспроизвести ее на экране. И это ему удалось. В считанные недели он создал собственную кинокомпанию и снял фильм, посвященный двойному ограблению банка в Страуде. Фильм принес ему не только приличные деньги, но славу восходящей звезды киноэкрана. Казалось, Старр наконец-то нашел себя в этой жизни, и к прошлому возврата больше нет. Но тут случилось неожиданное.

18 февраля 1921 года Генри Старр и трое его сообщников ворвались в Народный национальный банк в городе Гаррисоне, штат Арканзас, и, наставив на посетителей и служащих револьверы, приказали не двигаться. Грабители принялись потрошить сейфы банка, а Генри Старр следил, чтобы никто не поднял тревогу. Но, увы, следил не слишком внимательно: директор банка Уильям Майер сумел незаметно достать «винчестер» 38-го калибра и выстрелить ему в спину. Пуля угодила точно в позвоночник. Его сообщники бросились к стрелявшему, чтобы отомстить за своего главаря, но Старр остановил их. До этого все его ограбления обходились без жертв, и он не хотел, чтобы была нарушена эта традиция.

– Лучше уносите ноги, пока не приехала полиция, – посоветовал он друзьям напоследок и потерял сознание.

Генри Старр прожил еще четыре дня и скончался 22 февраля 1921 года. 25 февраля его похоронили в городке Дьюи, в штате Оклахома. Так завершил свой жизненный путь последний бандит Дикого Запада.

Убийца новобрачных в ванне (1912–1914)

В Лондоне существует уникальный музей восковых фигур мадам Тюссо, в котором в «комнате ужасов» собраны самые известные преступники мира. В этой коллекции выставлена и фигура импозантного мужчины Джорджа Смита, который получил прозвище «убийца новобрачных в ванне».

Джордж Джозеф Смит родился в 1872 году в Англии в семье страхового агента. К сожалению, безмятежной семейной жизнью мальчик наслаждался недолго. Уже в 9-летнем возрасте он попадает в исправительный дом для трудных подростков и проводит там пять лет. Выйдя оттуда в 14 лет, он уже в 16 совершает кражу и вновь оказывается в изоляции от общества. Через некоторое время история повторяется, и Джордж Смит в третий раз попадает в исправительный дом со сроком содержания в 6 месяцев.

Наконец в начале 1890-х годов он освобождается в очередной раз и в течение последующих четырех лет ни разу не попадает в поле зрения полиции. Правда, это не указывало на то, что Смит исправился, просто время нахождения в исправительном доме не прошло даром, и Смит поумнел. Он был достаточно симпатичным молодым человеком и всегда пользовался успехом у женщин, что он и решил использовать, что называется, в корыстных целях.

Однажды он познакомился с женщиной, которая, будучи несколько старше его, безумно в него влюбилась. Эта любовь была настолько безрассудной, что в скором времени женщина оказалась в полной власти молодого авантюриста и была готова исполнить любой его приказ. А приказывал он ей следующее. Обычно она устраивалась горничной в какой-нибудь богатый дом, некоторое время работала там, выказывая усердие и расторопность, после чего потихоньку начинала воровать ценные вещи. Украденное она передавала своему возлюбленному, который, в свою очередь, все вещи продавал. Так продолжалось несколько лет, пока в одном из очередных домов, где работала любовница Смита, ее не разоблачили хозяева. Вместе с возлюбленной был арестован и сам вдохновитель краж, который и получил по суду два года тяжелых работ.

К тому времени Джордж Смит был уже окончательно потерян для общества, и никакой тюремный срок не мог его исправить. Наоборот, именно после этого заключения он еще больше озлобился и превратился в более циничного и расчетливого преступника. Когда через два года он вышел на свободу, в его голове уже созрел очередной план.

На этот раз он решил жениться на какой-нибудь состоятельной вдовушке и безбедно существовать за ее счет. Первый брак подобного рода Смит зарегистрировал в Манчестере под именем Георга Лова. Однако женщина оказалась умнее, чем он предполагал, и вскоре сбежала от него в Канаду. Но Смит убивался недолго.

В 1899 году он женился во второй раз на весьма добропорядочной и главное – состоятельной даме. Ее чувство к Смицу было столь глубоким и сильным, что это позволяло ему пользоваться ее состоянием почти беспрепятственно. Однако как только это состояние было беззастенчиво промотано, Смит покинул свою суженую и скрылся в неизвестном направлении.

Третьей женой брачного афериста стала одинокая вдова, которую он нашел на острове Брайтон. Ее состояние было небольшим, – всего 300 фунтов стерлингов, – но Смит не погнушался и этими деньгами. Заставив «молодую» жену снять со счета все деньги, Смит прокутил их в течение одного месяца и потерял всякий интерес к супруге. Однажды во время очередной совместной прогулки он отпросился в туалет, и доверчивая женщина не почувствовала в этом никакого подвоха. Между тем, пока она терпеливо дожидалась его на улице, Смит сбежал в их дом, собрал все наиболее ценные вещи и благополучно скрылся.

Украденные у вдовы вещи потянули на 90 фунтов стерлингов, и этого Смит хватило для того, чтобы открыть в городе Бристоль небольшую лавочку. Однако жить один он не может, и вскоре в одной из местных газет появляется объявление: «Ищу экономку».

Откликнулось сразу несколько претенденток, и Смит выбрал ту, которая ему больше всех приглянулась. Ею оказалась некая миссис Пеглер, которой была уготована совсем иная судьба, чем всем остальным жертвам Смита. Дело в том, что эта женщина настолько понравилась ему, что он женился на ней без всяких корыстных побуждений.

Тем временем торговые дела Смита шли куда хуже, чем дела брачные. И вскоре наступили времена, когда им с женой пришлось закрыть лавочку и уехать в Саутгемптон. Там они сняли маленькую комнатку и некоторое время жили вместе. Но так продолжалось недолго. Привыкший жить на широкую ногу за чужой счет, Смит стал тяготиться размеренным и нищенским существованием. В конце концов это и подвигло его вернуться на тропу брачных афер.

Он познакомился на улице с пожилой женщиной, представилась ей как мистер Роз и тут же предложил свою руку и сердце. Манеры профессионального обольстителя столь изощрены, а сам он столь красив, что бедная женщина не выдержала и дала свое согласие. Зарегистрировав брак в установленном порядке, молодожены в тот же день отправились проводить медовый месяц в город Клафам. На руках у новой суженой Смита 350 фунтов стерлингов, и вскоре они перекочевали в руки Смита. Как только это произошло, его «любовь» мгновенно улетучилась. В один из дней они отправились на экскурсию в национальную галерею, и во время осмотра ее залов Смит отправился в туалет. Все повторилось: пока женщина терпеливо ждала мужа, тот успел вернуться домой, собрал все ценные вещи и был таков.

Как это ни странно, но Смит направил свои стопы в Бристоль, где проживала мисс Пеглер – единственная женщина, к которой он питал какие-то чувства. Та приняла его без всяких возражений, и их союз восстановился. Впрочем, продолжалось это только до тех пор, пока у Смита оставались деньги, вырученные от предыдущей аферы. Они закончились – он тут же вышел на «охоту».

Неподалеку от Бристоля располагалось тихое местечко Клифтон, в котором был пансионат. Там летом 1910 года Смит и познакомился с 30-летней Бесси Манди. Ее отец, умерший незадолго до этого, оставил после себя состояние в 2700 фунтов стерлингов, которым управляли опекуны Бесси – брат и дядя. Сама она не могла расходовать основной капитал, а получала из него 8 фунтов стерлингов в месяц, которые не тратила, а откладывала на черный день. К моменту появления Смита эти сбережения достигли 138 фунтов и были достаточной суммой для того, чтобы аферист начал действовать.

Свадьба Смита (на этот раз он зарегистрировался под фамилией Вильямс) и Бесси Манди состоялась 26 августа 1910 года. Через несколько дней после нее Смит завладел заветными деньгами и сразу же сбежал от молодой жены. Правда, на этот раз он исчез, предварительно оставив письмо, в котором сообщил, что жена заразила его сифилисом и он больше не желает оставаться в ее доме. Судя по всему, это письмо сыграло свою роль в дальнейших событиях, и Смит благодаря ему удачно избежал как погони, так и последующего розыска. Он вновь возвращается к терпеливой мисс Пеглер, и на украденные деньги они отправляются в совместное путешествие по Англии.

Безмятежная жизнь с мисс Пеглер длилась в течение полутора лет. Затем авантюристическая натура вновь возжелала приключений, и он отправился в один из пансионатов в городке Бостон. На календаре стоял февраль 1912 года.

Между тем, по роковому стечению обстоятельств, именно в этом городке обосновалась и брошенная Смитом Бесси Манди. И в один из тех февральских дней они случайно встретились на улице.

Для такого прожженного авантюриста, каким был Смит, скрыться в очередной раз от хрупкой и доверчивой женщины не составляло особого труда. И он бы это наверняка сделал, если бы не узнал от нее, что на ее счету вновь успела скопиться изрядная доля от отцовского наследства. Правда, сразу заставить женщину снять эти деньги со счета Смит не решился, прекрасно понимая, что однажды обманутая им жертва может тут же обо всем догадаться. Да и оба ее опекуна вполне могли заявить на него в полицию, и это привело бы к окончательному разоблачению. И вот тогда в голове Смита созрел изощренный план.

20 мая 1912 года Смит и Манди приехали в Хэрн-Бэй и сняли односемейный дом на Хай-стрит. Их совместная жизнь протекала вполне безмятежно, и женщина, кажется, убедилась в том, что ее муж никуда от нее не сбежит. Поэтому 8 июля она написала завещание, в котором назначила супруга своим единственным наследником. На следующий день Смит отправился в магазин и купил металлическую ванну для купания. Еще через день он заставил жену сходить ко врачу и обследоваться на предмет эпилептических припадков. И хотя врач выразил сомнение в наличии у Бесси подобного рода болезни, для Смита важен был факт обращения его жены ко врачу: он все продумал до мелочей. До трагической развязки оставалось несколько дней.

13 июля Бесси безмятежно принимала ванну, когда внезапно вошел муж. Не успела женщина опомниться, как он схватил ее за ноги и резко рванул их вверх. Голова Бесси погрузилась под воду, и через несколько секунд несчастная захлебнулась. Все было сделано настолько профессионально, что ни у кого и мысли не возникло, что женщина умерла насильственной смертью. Прибывший по вызову врач констатировал удар.

Через несколько дней Смит благополучно завладел деньгами своей умершей супруги и покинул Хэрн-Бэй. Как и следовало ожидать, он вновь возвратился к мисс Пеглер.

После убийства Бесси Манди Смит в течение года вел вполне добропорядочный образ жизни. Однако в сентябре 1913 года он покинул свое убежище, чтобы найти очередную жертву. На этот раз он забросил сети в местечке Саутси, где в одной из церквей познакомился с весьма набожной 25-летней Элис Бернхан. Ему понадобилось всего несколько недель, чтобы уговорить ее стать его невестой, и, как только 30 октября это произошло, они отправились в Астон-Клинтон просить благословения у родителей девушки.

Между тем этот вояж едва не закончился провалом. Родители отнеслись с большим подозрением к своему будущему зятю и даже попытались воспрепятствовать их браку. Но дочь не стала слушать их и, вопреки их мнению, вышла замуж за Джорджа Смита. И хотя ее приданое составило лишь 125 фунтов стерлингов, циничного Смита устроила и эта сумма. Кроме этого, в декабре 1913 года он застраховал жену еще на 500 фунтов, после чего подписал ей смертный приговор. 12 декабря в пансионе Блэпула на Риджентс-роуд Элис Бернхан внезапно утонула во время купания в ванной. Вот как об этом писала тогда одна из местных газет: «В ночь с пятницы на субботу миссис Смит принимала горячую ванну. Муж позвал ее, но не получил ответа. Он вошел в ванную комнату и нашел свою жену лежащей мертвой в воде. Доктор Биллинг (лечивший миссис Смит) придерживается мнения, что горячая ванна вызвала сердечный приступ или обморок и, находясь в беспомощном состоянии, миссис Смит захлебнулась».

Таким образом, и это убийство сошло Джорджу Смицу с рук. Причем он настолько уверовал в собственную неуловимость, что не стеснялся вести себя так, как ему заблагорассудится. Например, в день похорон он заявил, что ему срочно нужно уехать в Портсмут, и поэтому похороны состоялись без него. На самом же деле Смит получил в страховом агентстве 500 фунтов стерлингов за свою внезапно скончавшуюся жену и отправился в Бристоль, где его ждала незабвенная мисс Пеглер. Ей он сообщил, что был в трехмесячной командировке в Испании, заработал там приличные деньги и теперь имеет законное право отдохнуть. Верная мисс Пеглер тут же согласилась скрасить одиночество Смита в кругосветном путешествии.

Следующей жертвой Смита стала некая мисс Риволь, обыкновенная домашняя прислуга, с которой он познакомился летом 1914 года. Однако этой девушке повезло: Смит удовлетво-

вался ее небольшими сбережениями (76 фунтов стерлингов), после чего беззастенчиво бросил. И если бы он наконец остановился, перестал убивать, забирая всего лишь деньги своих жертв, то вполне вероятно, что его бы никогда не задержала полиция. Но Смит не остановился, чем и ускорил развязку этой истории.

Осенью 1914 года под именем Уильяма Ллойда он познакомился в Бристоле с 38-летней Маргарет Лофти. Ее отец был священником, однако женщина была независима от родительской опеки и имела на счету довольно приличные сбережения. Во всяком случае так она поведала Смиту, чем весьма разожгла его воображение. Но, как выяснилось впоследствии, мисс Лофти лукавила, желая поскорее выйти замуж, хоть за самого черта. На самом деле на ее счету было всего лишь 19 фунтов стерлингов, и, зная Смит об этом, он никогда бы не позарился на такие деньги. Горькая правда обнаружилась слишком поздно: уже отгремели звуки свадебного марша.

Узнав, что его ловко провели, Смит не отчаялся: он застраховал жену на 700 фунтов стерлингов. Мы видим, что с каждой новой аферой аппетиты преступника возрастают.

После получения страховки молодожены отбыли в Лондон, где 17 декабря 1914 года поселились в Бисмарк-роуд, 14 в доме с прекрасной металлической ванной.

Вечером того же дня Смит поинтересовался у хозяйки дома, нет ли где поблизости врача: у мисс Ллойд часто болит голова, и он опасается серьезных последствий. С пониманием выслушав Смита, хозяйка направила его к доктору Бейтизу. Сценарий убийства Бесси Манди повторился.

18 декабря в половине восьмого вечера Смит уговорил жену принять ванну. В тот момент хозяйка дома была на кухне и не видела, что следом за женой в ванную комнату зашел и Смит. Она только услышала всплеск воды, но не придала этому никакого значения. Позже хозяйка рассказала, что мистер Ллойд играл в гостиной на фисгармонии, а потом отправился в магазин за продуктами. Вернувшись, он первым делом поинтересовался, не вышла ли из ванной его супруга. Услышав отрицательный ответ, он отправился наверх, а через минуту хозяйка, услышав его громкий крик, бросилась в ванную комнату. Когда она вбежала, Ллойд-Смит уже вытаскивал из ванны безжизненное тело своей супруги.

Прибывший доктор Бейтиз констатировал, что во время купания у миссис Ллойд-Смит произошел удар, вызванный, скорее всего, недавно перенесенным гриппом. Эта версия затем была опубликована в газетах.

Между тем в январе 1915 года два последних случая – молодые женщины утонули в ванной – привлекли внимание инспектора Скотланд-Ярда Артура Фаулера Нила. И он начал собственное расследование, в ходе которого выяснилось, что муж последней жертвы – мистер Уильям Ллойд, прежде чем снять комнату на Бисмарк-роуд, 14, посетил пансион некой мисс Локкер в том же районе Хайгейт. Однако предлагаемая комната Ллойд не понравилась из-за слишком маленькой ванной. Как рассказала мисс Локкер, проверяя ванну, мистер Ллойд даже забрался в нее и лег, вытянувшись во весь рост.

Инспектор выяснил также, что за три часа до смерти мисс Маргарет Ллойд составила завещание, в котором объявляла своим единственным наследником мужа Уильяма Ллойда.

И более того – инспектор получил сообщение из Йоркширской страховой компании с уведомлением о том, что покойная Маргарет Ллойд за две недели до смерти застраховала свою жизнь на 700 фунтов стерлингов. Все это заставило инспектора окончательно уверовать в том, что в этом деле не все чисто.

Подозрения окрепли после того, как были получены сведения от полиции Блэкпула, где в декабре 1913 года утонула в ванной Элис Бернхам. В сообщении указывалось, что эта женщина приехала в город со своим мужем Джорджем Джоозефом Смитом. Этот человек, прежде чем снять комнату в пансионе на Риджентс-роуд, сначала внимательно осмотрел ванну. Судя по описанию его внешности, он как две капли воды походил на мистера Уильяма Ллойда.

Собрав все эти данные, инспектор Нил решил задержать этого человека. Единственным местом, где наверняка он мог объявиться, была Йоркширская страховая компания, – именно там сыщик и устроил засаду. И не ошибся. 700 фунтов стерлингов были слишком значительной суммой, чтобы Смит от нее отказался. 1 февраля 1915 года он переступил порог компании и тут же попал в руки полиции.

На момент ареста у следствия не было достаточно серьезных улик для обвинения его в убийстве своих жен. Поэтому пока его содержали под стражей за то, что он в Блэкпуле проживал под чужой фамилией – Ллойд. А тем временем эксперт-криминалист Бернард Спилсбери шаг за шагом приближался к разгадке. Для своих исследований Спилсбери пригласил нескольких опытных пловчих. Во время одного из экспериментов одна пловчиха чуть не утонула: инспектор так неожиданно схватил ее за ноги, что она успела хватить изрядную порцию воды. Три человека откачивали ее в течение доброго получаса. Но мучения пловчихи оказались не напрасны – вина Джорджа Смита была полностью доказана.

22 июня 1915 года Джордж Джозеф Смит предстал перед судом. Как это ни странно, но основной контингент зрителей на этом сенсационном процессе составляли одинокие женщины. Видимо, поэтому Смит и держал себя на суде нагло и вызывающе, не позволяя себе выглядеть испуганным перед лицом такой аудитории. 30 июня его приговорили к смертной казни через повешение. Во время казни от того Смита, что был на суде, уже не осталось и следа: сам идти к виселице он не смог, и охранникам пришлось нести его к эшафоту на руках.

Как это ни печально, но на имени Джорджа Смита история брачных аферистов-убийц в мировой криминалистике не закончилась. Более того, сразу после его казни в другой европейской стране – Франции – был разоблачен еще более безжалостный и кровавый убийца из породы брачных аферистов.

Одиннадцать жертв господина Ландрю (1914–1921)

7 ноября 1921 года во французском городе Версале начался судебный процесс, за ходом которого следила вся Франция. На скамье подсудимых сидел 52-летний Анри Ландрю, который обвинялся в том, что в период с августа 1914 по январь 1919 года убил одиннадцать человек, десять из которых были женщины. С чего же началась эта полная драматизма история?

В марте 1919 года некая мадемуазель Лакост из Парижа написала мэру города Гамбэ письмо, где сообщала, что вот уже год, как нет никаких сведений от ее сестры Бюиссон, которая вместе со своим женихом господином Фремье уехала жить в Гамбэ. Мадемуазель Лакост настоятельно просила мэра Гамбэ прислать ей точный адрес сестры.

Прочитав это послание, мэр удивился, так как два месяца назад он получил очень похожее письмо, в котором его спрашивали о некой Коллон, также помолвленной с господином Фремье. Свое удивление он выразил на страницах ответного письма мадемуазель Лакост. В этом письме он сообщил, что никакого господина Фремье в их городе нет, а есть господин Дюпон, похожий на описанного мадемуазель Лакост.

Получив письмо мэра, мадемуазель Лакост не нашла ничего лучше, как тут же отправиться в полицию. Предварительное следствие установило, что господа Фремье и Дюпон – одно и то же лицо. Для установления истинного имени этого человека дело передали в Сюртэ – французскую уголовную полицию, в руки инспекторов Дотеля и Белэна.

Найти Фремье-Дюпона помог случай. Подруга мадемуазель Лакост, которая знала этого человека в лицо, гуляя как-то по Парижу, Риволи, увидела его выходящим из магазина в сопровождении незнакомой молодой дамы. Крайне заинтригованная, она попыталась проследить весь путь этой пары, однако ей не повезло: они сели в автобус и уехали. Тогда женщина отправилась в полицию. Инспектор Белэн тут же отправился в магазин на улице Риволи и по книге доставки товара установил, что мужчину зовут Люсьен Гилле и живет он на улице Рошешуар. Названный адрес был взят полицией под наблюдение, и через шесть дней сыщикам улыбнулась удача: в их руки попал маленький бородатый мужчина, который представился как Люсьен Гилле. В его записной книжке был найден список десяти женщин, среди которых и имена двух разыскиваемых: Бюиссон и Коллон. По своей картотеке полиция вскоре установила и настоящее имя мужчины – Анри Ландрю. С 1904 по 1914 год он был семь раз осужден за мошенничество.

Однако на все вопросы о судьбе пропавших женщин Ландрю отвечал коротко: «Не знаю». Полиция допросила и его нынешнюю пассию, проживавшую в его квартире на Рошешуар, однако та отзывалась о своем женихе крайне благожелательно. Между тем сомнений в том, что все десять женщин из списка Ландрю плохо кончили, ни у кого уже не оставалось. Парижские газеты твердили об этом чуть ли не ежедневно. Обеспокоенное волной самых невероятных слухов, французское правительство потребовало от полиции во что бы то ни стало найти трупы убитых женщин. И уже на следующий день после тщательного обыска дома Ландрю в кухонной плите и во дворе были найдены обугленные кости, которые эксперты определили как человеческие.

Начавшийся в ноябре 1921 года суд приговорил Анри Ландрю к смертной казни. В своем последнем слове он сказал: «Я не виновен в этих убийствах. Суд ошибается!» Однако это было гласом вопиющего в пустыне. 24 февраля 1922 года А. Ландрю был гильотинирован.

Париж вспомнил о нем еще раз 23 января 1923 года, когда на аукционе в Версале продавалась его мебель. Особенно бурные торги разгорелись вокруг кухонной плиты. В конце концов ее купил за 4200 франков директор одного из музеев.

Кошмары Германии 20-х годов (1924)

В 20-е годы самой криминально-скандальной страной в Европе стала Германия. Именно там тогда разоблачили сразу трех чудовищных преступников: серийного убийцу из Ганновера, людоеда из Мюнстерберга и маньяка из Дюссельдорфа. Первые двое были схвачены почти одновременно – в 1924 году.

В те годы Ганновер считался одним из крупных немецких городов и насчитывал 500 тысяч жителей. Город пользовался огромной популярностью у туристов, из-за постоянного наплыва которых его центр был обустроен по последнему слову моды. В любое время дня и ночи туристов буквально заглатывали роскошные рестораны, пятизвездочные отели, театры и другие увеселительные заведения.

Однако наряду с фешенебельным и благополучным центром существовала, так сказать, своя Марьяна роща, носившая название Остров.

Это была изнанка города, где обитали бедняки, где процветали уголовщина, проституция и т. д. Именно здесь проживал тогда некий Фритц Хаарманн, который за свои деяния вскоре будет назван одним из самых ужасных преступников 20-го века.

Эта история началась 17 мая 1924 года. В тот день на реке Лейне местные жители обнаружили прибитый водой к берегу человеческий череп, он был абсолютно гол и, судя по всему, уже давно находился в воде. Страшную находку тут же отдали в полицию, но та не особенно торопилась установить личность владельца черепа. Криминальная обстановка в городе была не самой благоприятной, лишь за один прошлый год в Ганновере бесследно пропало 600 человек.

Между тем через два дня почти в том же месте вода прибила к берегу еще два черепа. На этот раз полиция проявила максимум усердия и провела тщательную экспертизу. Экспертиза показала, что два последних черепа принадлежали мужчинам в возрасте не старше 20 лет и что ткани с черепов были счищены довольно острым орудием. Другими словами, налицо были явные признаки убийства, произведенного с особой жестокостью. Полиция заподозрила гомосексуалистов, и поэтому убийцу стали искать в их среде.

45-летний Фритц Хаарманн попал в число подозреваемых почти сразу, как только полиция завела уголовные дела. Это было вызвано тем, что он давно был не в ладах с законом и был известен как активный гомосексуалист с садистскими наклонностями. В 19-летнем возрасте он проходил по делу о попытке изнасилования двух пятилетних девочек и развратных действий в отношении двух несовершеннолетних мальчиков. Его арестовали, но медицинская экспертиза признала его психически невменяемым, и он был отправлен в психиатрическую клинику, где пробыл недолго и вскоре сбежал.

Через три года он возвратился в Ганновер и некоторое время вел себя как примерный гражданин. Он даже поступил на военную службу, но военная карьера его не состоялась: через полгода его комиссовали с диагнозом «слабоумие».

В личной жизни его преследовали неудачи. К женщинам он был полностью равнодушен, привлекали его мужчины, и это окончательно рассорило его с отцом. Дело дошло до того, что отец явился в полицию и потребовал немедленного ареста сына за аморальный образ жизни. Ареста Хаарманн-младший избежал, но под одной крышей с отцом не остался: уехал в район Острова и поселился в маленькой однокомнатной квартирке. Видимо, это переселение окончательно развязало ему руки, и он, пользуясь свободой, встал на путь преступлений.

С 1905 по 1913 год Хаарманн не менее 9 раз попадал в руки местной полиции за совершение различных краж. Однако сроки, на которые он попадал в тюрьму, были минимальными. За это время он провел в тюрьме 5 лет и два месяца, но лучше от этого так и не стал. В октябре 1918 года Хаарманн попал под подозрение в убийстве двух молодых людей, однако обыск на его квартире не дал результатов. Между тем, как выяснилось позднее, Хаарманн дей-

ствительно убил этих двух юношей, расчленив их тела. Голова одного из них во время полицейского обыска находилась за печью, но сыщики не удосужились туда заглянуть. А может быть, тот обыск был и вовсе фикцией. Говорить так заставляет тот факт, что Хаарманн к тому времени уже несколько лет работал негласным осведомителем местного уголовного розыска, и трогать его было нецелесообразно. Более того, Хаарманн даже раздобыл себе удостоверение директора сыскного бюро, и это часто выручало его в сложных ситуациях.

В 1922 году две женщины, часто бывавшие в доме Хаарманна, увидели однажды неподвижно лежащего на его кровати молодого человека. Неподвижность и поза этого человека насторожили их. Хаарманн объяснил, что «юноша просто спит» и поспешил выпроводить женщин из дома.

На следующий день женщины, зайдя к Хаарманну, обнаружили на стуле рядом с кроватью пиджак и брюки юноши, хотя Хаарманн утверждал, что гость уехал. Кроме этого, на кухне они увидели горшок с вареным мясом подозрительного вида. В тот же день женщины рассказали в полицейском управлении о своих подозрениях.

Стоит отметить, что полиция отреагировала весьма оперативно и прибыла на квартиру Хаарманна с обыском. На вопрос о молодом человеке Хаарманн спокойно ответил, что тот попросился на ночлег и днем ушел, оставив в качестве платы за постой свой костюм. Хаарманн же отдал ему свои старые брюки и рубашку. Мясо в горшке он назвал обыкновенной свининой, и эксперт, исследовавший его, подтвердил это. Полиция и в тот раз ушла ни с чем.

После обнаружения черепов Хаарманн вновь попал в поле зрения полиции, но с его арестом спешить не стали. За ним установили негласное наблюдение, для чего вызвали из другого города двух агентов. Но и это скрытое наблюдение не помогло: Хаарманн вел себя на редкость благопристойно. Казалось, что ему удастся благополучно выйти из сложной ситуации. Но тут произошло неожиданное.

Видимо, уверенность Хаарманна в собственной неуловимости настолько укоренилась в нем, что однажды он просто утратил всякую бдительность и осторожность. В один из июньских дней 1924 года он познакомился с неким юношей по фамилии Фромме, который сбежал из Берлина от своих родителей и теперь скитался по Германии. Хаарманн предложил ему пожить некоторое время у него, бездомный юноша с радостью согласился. Однако он не знал, какие услуги ему придется оказывать хозяину дома за этот приют. Тот же в первую их совместную ночь изнасиловал мальчишку.

Эта связь длилась несколько дней, после чего юноша Хаарманну надоел, и он прогнал его прочь. Фромме в ответ потребовал денег за те специфические услуги, которые он оказывал. Это требование настолько взбесило Хаарманна, что он схватил наглого мальчишку за шиворот и собственноручно привел... в полицию. Это его и погубило.

В полицейском управлении Фромме чистосердечно рассказал о том, что с ним произошло. Полиция арестовала Хаарманна и в тот же день произвела тщательный обыск. В результате в шкафах Хаарманна была обнаружена куча всевозможной верхней мужской одежды и белья, причем разных размеров. Хаарманн объяснил, что все это он выменял у разных незнакомых ему людей для последующей перепродажи. Его соседи подтвердили, что он действительно иногда занимался подобного рода делами. И все-таки полиция решила проверить все до конца и поместила в газетах объявления о том, что родственники пропавших без вести людей могут прийти и осмотреть вещи, найденные у Хаарманна. И толпы людей потянулись к зданию полиции.

Сенсация произошла 25 июля. Мать некоего Витцеля, без вести пропавшего в апреле, нашла костюм своего сына. А отец пропавшего опознал в одном из черепов, обнаруженных на берегу Лейне, череп Витцеля. Припертый к стене, Хаарманн на следующий день сознался в том, что он убил этого молодого человека. Сознался он и в других убийствах и даже указал

место на берегу все той же речки Лейне, куда он сбрасывал останки расчлененных им жертв. Полиция обнаружила на дне реки кости, принадлежавшие 24 убитым людям.

В ходе следствия Хаарманн охотно контактировал с дознавателями и с необыкновенным энтузиазмом описывал в деталях свои жуткие преступления. Он просто упивался этими рассказами и, судя по всему, получал от этого удовольствие. «Сначала я сделал разрез на его груди, потом одним резким движением раздвинул ребра... Всю кожу с головы я сдирал сразу...» и т. д.

Хаарманн рассказывал, что никакой брезгливости к трупам он не испытывал и, бывало, по несколько дней хранил их в квартирке. Причем прятал их в шкафу или под кроватью. Никакие кошмары по ночам его не мучали. Трупы он обычно расчленял на несколько частей, и это занятие доставляло ему гораздо меньше удовольствия, чем потрошение тел. Что касалось мяса убитых, то Хаарманн категорически отрицал то, что он употреблял его в пищу. Однако его соседи утверждали, что он часто предлагал им купить по дешевке «свинину» или «конину» и, если они отказывались, нес мясо на рынок.

По ходу дела выяснилось, что его любовником с 1919 года был некий Ганс Гранс, который, будучи на 15 лет моложе Хаарманна, полностью подчинил его себе, сделал своим рабом. Гранс был прекрасно осведомлен о преступных деяниях своего любовника и иногда даже пользовался этим. Однажды он увидел на улице модно одетого юношу и потребовал от Хаарманна, чтобы тот убил юношу, а его костюм отдал ему. «Но парень мне совсем не нравится», – попытался возразить Хаарманн, однако его любовник был неумолим: «Зато мне нравится его костюм!»

И Хаарманн заманил юношу в квартиру, где сначала изнасиловал, а затем и убил. А одеждой несчастного завладел Ганс Гранс. Любопытно, что Хаарманн настолько всецело принадлежал этому человеку, что даже на следствии постоянно пытался выгородить его. Однако нашлось достаточно свидетелей, которые видели, как Гранс приводил к Хаарманну молодых людей, которые затем бесследно исчезали.

Судебный процесс над двумя чудовищами из Ганновера привлек внимание не только жителей Германии, но и жителей других европейских стран. Корреспонденты крупнейших газет съехались в этот город, чтобы освещать во всех деталях этот сенсационный процесс. Особую скандальность ему придавало то, что в деле были замешаны и некоторые высокопоставленные чины местной полиции. Для их изобличения в Ганновер прибыл из Берлина специальный представитель Вейс, который заставил покинуть свои посты нескольких офицеров полиции города. Отметим, что сам Вейс будет назначен начальником берлинского уголовного розыска.

Интерес к процессу был настолько велик, что на него прибыл ганноверский правительственный президент Носке, который с завидным постоянством присутствовал на всех заседаниях суда. Многие из зрителей пришли в зал заседаний с биноклями, будто в театр, однако возмущенный председатель суда решительно пресек эти «смотрины».

Суд над Хаарманном длился несколько дней и закончился справедливым приговором: Фритц Хаарманн был признан виновным в убийстве 24 человек и приговорен к смертной казни; Ганс Гранс был признан виновным в одном убийстве как соучастник и также приговорен к смертной казни. Оба приговоренных встретили приговоры без особенных эмоций, хотя Гранс в конце концов едва не расплакался. В своем последнем слове Хаарманн заявил: «Я человек с болезненными наклонностями. Какая польза была бы, если бы меня освободили? Ужасные вещи опять совершались бы. Расправьтесь со мной поскорее».

Между тем одновременно с делом Хаарманна в Германии гремело еще одно уголовное дело о чудовищных преступлениях. На этот раз местом действия был город Мюнстерберг.

В этом небольшом городке (здесь обитало всего 9 тысяч) вот уже около 20 лет жил старый холостяк по фамилии Денке. По словам многих знавших его, это был нелюдимый и внешне безразличный ко всему человек. В свое время, после смерти родителей, он уехал от своей родни в Мюнстерберг, где купил участок земли с домом. С родными он прекратил всякие отношения

и только один раз за все 20 лет навестил своего старшего брата. То посещение запомнилось брату только одним: Денке проявил себя как патологический обжора, съев за столом два фунта мяса.

Денке занимался огородничеством и существовал на доходы от этого промысла. Соседи его откровенно сторонились и почти никогда не посещали его жилище. Единственными людьми, кто изредка входил в дом этого человека, были бродяги да нищие, которых нелегкая порой забрасывала в эти края. Подчас эти посещения заканчивались для гостей весьма странно.

Однажды из дома Денке с дикими воплями выскочил окровавленный молодой человек. Соседи попытались остановить его, чтобы узнать, что же произошло, но незнакомец с перекосенным от ужаса лицом умчался в неизвестном направлении.

Через несколько месяцев после этого один нищий, побывавший в доме Денке, поведал его соседям такую историю. Мол, Денке попросил зайти к нему в дом и написать за него письмо родственникам, обещая за это щедро накормить. Нищий согласился. Однако как только он сел за стол, Денке зашел ему за спину и внезапно накинул на шею веревку. И если бы гость чудом не успел просунуть в петлю правую руку и не вырвал бы веревку, Денке бы его задушил.

Откровенно говоря, соседи выслушали рассказ с недоверием. Они, хоть и называли Денке человеком не от мира сего, считали его существом вполне безобидным. У него и прозвище было вполне мирное – «отец Денке».

Между тем нелюбимость Денке была ему на руку. Иногда соседи видели, как он ведрами выносил из дома мясо и сливал во дворе кровь. Но никто и словом не обмолвился об этом. Лишь однажды кто-то сказал Денке, что из его дома тянет странным запахом. Денке принял меры, и запах исчез. И вновь никто не насторожился. Видимо, эти люди считали недостойным вмешиваться в чужую жизнь, тем более, что Денке вел себя по отношению к ним вполне миролюбиво. Так продолжалось несколько лет, пока не наступила весна 1924 года.

Однажды из дома Денке раздался душераздирающий крик. Встревоженные соседи бросились в дом и застали дикую картину: незнакомый мужчина, по виду бродяга, с залитым кровью лицом пытался вырвать из рук разъяренного Денке острую кирку. Соседям с трудом удалось разнять дерущихся. Успокоившись, незнакомец поведал ту же самую историю: о письме и попытке убийства. Только теперь в руках Денке была не веревка, а острая кирка.

В тот же день пострадавший рассказал все в полиции. Заявление было сделано с соблюдением всех официальных норм, и полиция вынуждена была отреагировать. На следующий день Денке был задержан.

Как это ни удивительно, но большая часть жителей городка этими действиями полиции была возмущена. Хотя Денке и был всеобщим нелюбимцем, однако он был, что называется, своим, в то время, как потерпевший был обыкновенным бродягой. Всем казалось возмутительным, что по требованию нищего арестовывают добропорядочного бюргера. Возмущенные горожане потребовали немедленно отпустить Денке, и власти готовы были отступить. Но произошло непредвиденное.

В первую же ночь пребывания в тюрьме Денке смастерил из носового платка петлю, прикрепил ее к металлическому кольцу в полуметре от пола, и с помощью этого приспособления удавился. Жители города расценили это, как реакцию честного человека на несправедливые действия полиции. Они потребовали похоронить Денке на местном кладбище со всеми почестями. Власти согласились и отправили в дом к погибшему высокую комиссию, чтобы установить, не осталось ли у Денке денег на похороны. То, что увидели в доме отшельника, повергло всех в глубокий шок.

На кухне была обнаружена огромная куча человеческих костей, а в горшках лежали куски человеческого мяса. Оно было еще с кожей и, видимо, приготовлено для последующего употребления. Три большие миски были заполнены уже сваренным мясом под соусом, похожим

на сметану. Некоторые из этих кусков были плохо очищены, и на них остались волосы. А один из горшков был доверху наполнен человеческим жиром.

Полиция тут же оцепила всю территорию вокруг дома Денке и приступила к тщательному осмотру. Осмотр привел к новым ужасным находкам.

В сарае была найдена еще более внушительная груда человеческих костей. В одном из шкафов в нескольких жестяных банках и бумажных пакетах были обнаружены сотни человеческих зубов, которые, судя по экспертизе, принадлежали мужчинам в возрасте от 16 до 40 лет. Кроме этого, были найдены три пары подтяжек, которые Денке смастерил... из человеческой кожи. Одна такая пара была на нем и в тюрьме.

В ходе дальнейших поисков в доме людоеда был найден список, в котором значились имена и фамилии погибших, даты смерти и вес тела. По этому списку выходило, что Денке начал убивать людей в 1909 году и за 15 лет успел отправить на тот свет 30 человек, большую часть которых составляли мужчины.

Если бы Денке остался жив, то судебный процесс над ним наверняка бы встал вровень с делом Хаарманна. Однако он предпочел публичному процессу смерть. Германия на целых пять лет обрела спокойствие, но в 1929 году вновь вздрогнула от событий в Дюссельдорфе.

Изгои Америки (1908–1930)

Преступность как социальная проблема возникла в США в 20-е годы. 18-я поправка к Конституции США в январе 1920 года, запрещавшая на всей территории страны производство, транспортировку и продажу спиртных напитков, вызвала в Америке небывалый рост преступности, который продолжался вплоть до 1936 года. О взращенных на этой поправке гангстерах типа Аль Капоне и Лаки Лучано речь пойдет чуть позже. А в этой главе мы познакомимся с преступниками, не имевшими никакого отношения к организованной преступности, хотя и прославившимися не менее громко, даже за пределами своей страны.

Одним из самых известных преступников Северной Америки начала 20-го века был Роберт Франклин Страуд. Он родился в 1887 году на Аляске в весьма неблагополучной семье. Его отец, горький пьяница, напиваясь, не щадил ни жену, ни маленького сына. В результате у Роберта возникла стойкая ненависть к собственному отцу, которая не прошла и после того, как отец бросил семью и ушел из дома. И, как писали позже, «после этого он всегда был настроен злобно и враждебно. Даже его внешность не располагала людей к общению с ним: он был как бы живым воплощением порока. По-видимому, условия, существовавшие в его семье, ни в коей мере не благоприятствовали формированию способности строить нормальные отношения с людьми или хотя бы созданию устойчивого положительного представления о самом себе».

Еще будучи подростком, Страуд несколько раз попадал в руки полиции за разного рода прегрешения, но каждый раз его отпускали в надежде, что он исправится. Но он не исправлялся. В 18-летнем возрасте он стал сутенером и на этом деле зарабатывал неплохие деньги. Но однажды он не сдержался.

В тот злополучный день 1908 года его подружка Китти О'Брайна «обслужила» одного клиента – бармена из соседнего заведения. Получив удовольствие, бармен внезапно отказался платить. Девушка, естественно, пожаловалась Страуду. Зная, что произойдет, она, может быть, и снесла бы ту обиду молча. Выслушав ее, Страуд отправился на поиски бармена, нашел его на рабочем месте и во время ссоры попросту его убил. За это он получил 12 лет тюрьмы и вскоре отправился туда: сначала в Макнэйл, а затем – в Ливенуорт. Где вдруг пристрастился к птицам. Сначала он стал выхаживать больных воробьев, а затем перешел на канареек, и за несколько лет отсидки его познания в этой области достигли такой широты, что слава о нем шагнула далеко за пределы тюрьмы. Он и кличку получил соответствующую – «птицелов из Алькатраза».

Все это вкупе с образцовым поведением способствовало тому, что Роберт Страуд в 1916 году заслужил условно-досрочное освобождение. До него оставалось буквально несколько дней, и тюрьма уже готовилась проводить своего знаменитого узника, как вдруг случилось неожиданное. Во время посещения столовой Страуд без всякой видимой причины повздорил с одним из офицеров охраны и в пылу этой ссоры нанес тому смертельное ранение. Все произошло так неожиданно, что никто не успел вмешаться.

Роберт Страуд был признан виновным в умышленном убийстве офицера охраны и приговорен к смертной казни через повешение. Однако адвокаты добились замены смертной казни на пожизненное заключение, и в течение последующих 47 лет Роберт Страуд находился за тюремной решеткой.

В 1956 году писатель Томас Гэддис написал о нем книгу «Птицелов из Алькатраза». Книга стала бестселлером в США, и через пять лет кинорежиссер Джон Франкенхаймер снял по ней одноименный фильм с Бертом Ланкастером в главной роли. В 1962 году этот фильм стал призером на Международном кинофестивале в Венеции.

Сам Роберт Страуд успел застать и выход в свет книги, и художественный фильм о себе, но их успехом наслаждался недолго. 21 ноября 1963 года на 76-м году жизни он скончался в Спрингфилдском медицинском центре при тюремном ведомстве США, в штате Миссури.

Между тем, если «птицелов из Алькатраза» обагрил свои руки кровью двух человек и в результате этого прославился, то двое молодых людей из Чикаго – Натан Леопольд и Ричард Лоэб – убили всего одного человека и тем не менее вошли во все уголовные энциклопедии. Именно их преступлению обязан своим появлением в криминалистике новый термин – «трил киллинг» – «убийство для возбуждения».

18-летний Натан Леопольд, сын одного из самых богатых людей в Чикаго, владельца судовой компании, от природы был чрезвычайно одаренным юношей. Он владел десятью языками и уже успел окончить Чикагский университет со степенью бакалавра философии. Его кумиром в этой области был Фридрих Ницше, а вот в жизни он выбрал объектом для подражания своего любовника – 17-летнего выпускника Мичиганского университета Ричарда Лоэба.

Его отец владел сетью супермаркетов, и Ричард деньги практически не считал. В отличие от женоподобного Леопольда, Лоэб был более решителен, дерзок и жесток. Он мнил себя суперменом и был одержим мыслью совершить такое преступление, которое никто бы никогда не смог раскрыть. Естественно, что напарником в подобном деле он видел только своего любовника – Натана Леопольда.

Мысль о преступлении пришла им в голову в январе 1924 года. К тому времени гангстеры в Чикаго ходили в «королях», об их громких делах каждый день сообщали газеты, и, читая их, юноши мечтали совершить что-нибудь покруче. Они перебрали массу вариантов и в конце концов остановились на одном – похищении ребенка, избрав в качестве жертвы дальнего родственника Лоэба – 14-летнего Бобби Фрэнкса, который учился в частной школе рядом с домами своих будущих убийц.

В своем плане преступники все предусмотрели заранее. Накануне похищения Леопольд поселился в чикагской гостинице «Моррисон» под вымышленным именем Луи Мейсона, торговца из Иллинойса. Под залог в 50 долларов он взял напрокат автомобиль и в тот же день открыл в банке счет, на который они собирались внести деньги от выкупа.

24 мая 1924 года в четыре часа дня преступники подъехали на автомобиле к частной школе Бобби Фрэнкса и терпеливо дожидались его появления. Когда мальчик вышел, Лоэб позвал его и, добродушно улыбаясь, произнес:

– Мы тут задумали покататься. У тебя нет желания составить нам компанию?

Не видя в этом ничего предосудительного, подросток с радостью согласился и уверенно сел в машину, на переднее сиденье. Жить ему оставалось не более получаса.

Как только автомобиль выехал за пределы Чикаго и поблизости не оказалось других машин, Лоэб свернул на обочину и в следующую секунду ударил подростка заранее припасенной стамеской по голове. Удар был настолько сильным, что кровь брызнула в стороны и попала даже на сидевшего сзади Леопольда. Тот замахал руками и закричал:

– О Боже, как это ужасно!

– Я всегда говорил, что ты слюнтяй! – ответил Лоэб и вылез из машины. – Садись за руль, а я займусь нашим юным попутчиком.

Леопольд помог Лоэбу перетащить обмякшее тело несчастного паренька на заднее сиденье, сел за руль и повел машину в сторону от города. А Лоэб заткнул рот жертвы куском тряпки и плотно завернул тело в старый халат.

Достигнув осушенного некогда болота, преступники решили, что здесь они и спрячут тело несчастного. Причем эту часть плана должен был осуществить Леопольд. Однако он настолько волновался, что сделал две роковые ошибки, которые впоследствии и решили их судьбу. Когда он перетаскивал тело через болото, он обронил очки и, самое главное, засунул

труп в водосточную трубу так, что одна пятка подростка осталась торчать наружу. В наступившей темноте Леопольд этого не заметил.

На следующий же день преступники приступили ко второй части своего плана. На пишущей машинке Леопольда они отпечатали письмо родителям Фрэнкса и потребовали за его освобождение 10 тысяч долларов. Поразительно, но эти условия выдвигали двое молодых людей, родители которых были миллионерами!

Отослав письма, они разбили машину вдребезги, и части ее разбросали в разные водоемы. Одежду убитого они вывезли в соседний штат Индиану и закопали в уединенном месте. Им казалось, что они все сделали идеально и найти их будет невозможно. Однако все оказалось гораздо проще.

Путевые рабочие, обходившие железнодорожные пути возле осушенного болота, заметили в трубе человеческую пятку. Через полчаса прибыла полиция, которая извлекла изуродованное тело подростка. И несмотря на то, что его лицо было обезображено до неузнаваемости соляной кислотой, сыщики в тот же день установили личность погибшего. А тут его родители показали полицейским анонимное письмо с требованием выкупа. Кроме этого, на месте обнаружения тела были найдены и новые очки, которых в городе, как выяснилось, было сделано по индивидуальному заказу всего три пары. Две пары, как и положено, оказались на носах своих хозяев, а вот третьи, принадлежавшие 18-летнему Натану Леопольду, у последнего отсутствовали.

– Я их потерял совсем недавно, – объяснил он полицейским. – Катался за городом на автомобиле и где-то обронил их.

Весть о похищении и убийстве 14-летнего мальчика взбудоражила весь город. Для Чикаго тех лет подобное преступление было из разряда необычных. Когда полицейские вышли на общегородскую облаву с целью обнаружить следы преступников, то все бандиты города, от Аль Капоне до его противников из ирландских банд, изъявили желание помочь в поисках душегуба. Но помощь бандитов не понадобилась.

В конце мая полицейские обнаружили возле городского пруда остатки шрифта пишущей машинки. Эксперты-криминалисты определили, что это та самая машинка, на которой были отпечатаны два письма похитителей. Теперь оставалось определить, кто же отстучал эти письма. И тут в дело вмешались журналисты. Они подозревали Натана Леопольда и поэтому отправились в Чикагский университет, где он недавно учился. Там они раздобыли несколько писем, которые он напечатал на своей машинке. Экспертиза подтвердила: письма с требованием выкупа и письма Леопольда печатались на одной и той же машинке. Круг, как говорится, замкнулся.

Первым сознался Натан Леопольд, а за ним и Лоэб, заявивший: «Мы ничего не имели против мальчишки. Мы просто хотели пошутить над ним, но произошло убийство. Теперь мы сожалеем об этом».

Как только весть о том, что отпрыски двух местных миллионеров «ради шутки» убили подростка, облетела Чикаго, город забурился. Возмущение всех слоев населения было столь велико, что ни один адвокат не соглашался брать на себя их защиту. Наконец чувство отращения преодолел известный защитник Кларенс Дэрроу, который заявил: «Хоть это и неблагодарная работа, но я попытаюсь спасти этих людей от электрического стула». И он действительно это сделал.

Тот суд, привлечший к себе внимание миллионов людей не только в США, но и во всем мире, длился ровно месяц. К. Дэрроу все-таки удалось убедить присяжных в том, что у обоих преступников была паранойя. 21 июля 1924 года они были приговорены к 99 годам лишения свободы каждый. Родственники пообещали Дэрроу, что если он спасет их детей от смертной казни, то получит миллион долларов. Однако когда адвокат добился этого, он получил всего

лишь 30 тысяч долларов. «Вы и так на этом деле сделали себе очень хорошую рекламу!» – заявил Дэрроу отец Леопольда, вручая ему чек.

Сэкономленные на адвокате деньги родители употребили на то, чтобы в тюрьме их отпрыски ни в чем не нуждались. Подкупленные охранники даже разрешали Лоэбу совершать в камере гомосексуальные контакты с другими заключенными. На этом, собственно, он и погорел.

В январе 1936 года Лоэб положил глаз на некоего Д. Дэя и стал преследовать его, склоняя к сожительству. Дэй отказался. Однажды Лоэб с бритвой в руках напал на Дэя в душевой, но тот оказался проворнее, выхватил бритву и буквально исполосовал насильника, нанеся ему 56 резаных ран. Лоэб скончался на месте.

В отличие от него, Натан Леопольд вел себя в тюрьме смирно. В результате он отсидел 34 года и был условно-досрочно освобожден 13 марта 1958 года. В США он не остался, а уехал в Пуэрто-Рико, где устроился на работу техником в церковной лаборатории с окладом 10 долларов в неделю. В 60-х годах он выпустил книгу под названием «Жизнь плюс 99 лет». Когда в одном интервью его спросили, думает ли он о загубленном им Бобби Фрэнксе, он ответил: «Кроме этого, я не могу думать ни о чем. И эти мысли буквально отравляют мое существование».

После выхода книги Леопольд прожил еще несколько лет и скончался от сердечной недостаточности 30 августа 1971 года.

Любопытно, что когда в 1950 году ФБР впервые опубликовало перечень 10 наиболее опасных преступников США за последние 50 лет, то Р. Лоэб и Н. Леопольд вошли туда под номером 4, хотя загубили жизнь одного человека. Зато Карл Панцрам убил более 20 человек, но в список ФБР не попал. Несмотря на это, рассказать о нем необходимо.

Карл Панцрам родился в 1891 году на маленькой ферме в Миннесоте в бедной семье немецких переселенцев. Кроме него, в семье было еще пятеро братьев и сестра, с малых лет помогавшие родителям на ферме. Когда в 1908 году Карлу исполнилось 7 лет, отец внезапно ушел из семьи, а за ним потянулись и четверо старших сыновей. Карл остался с матерью, сестрой и одним из братьев. И эту жизнь нельзя было назвать счастливой. Его мать была строгой и набожной женщиной, и хотя Карл был младшим ее сыном, она никогда не баловала его лаской. Он вечно получал тумаки, а вслед за матерью в этом деле не отставал и старший брат. Карл несколько раз пытался сбежать из дома, но каждый раз его ловили и наказывали по полной программе. И все это могло продолжаться вечно, если бы не одно происшествие, случившееся, когда Карлу было 12 лет.

Однажды он тайком проник в дом соседа, живущего напротив, и выкрал все, что было ценного в доме. Кража вскрылась довольно скоро, и Карл понес наказание, куда как серьезнее родительского: его отправили в воспитательную школу штата Миннесота в Ред-Уинг. Вполне вероятно, что это наказание для него было желаннее, чем дальнейшее пребывание в опостылевшем доме.

В воспитательной школе Карл Панцрам пробыл несколько лет, и после ее окончания, в 1907 году, его вернули домой. Но это было вопреки его воле. Поэтому он вскоре сбежал и стал скитаться, зарабатывая на жизнь мелкими кражами. Несколько раз его ловили и сажали в тюрьму. Так он побывал в реформатории штата Монтана в Ливенуорте (там в то время сидел и «птицелов из Алькатраза»), затем в тюрьмах Орегона и еще нескольких штатов. И во время всех этих отсидок Карл Панцрам вел себя крайне вызывающе и даже несколько раз поднимал среди заключенных бунты, за что в 1914–1917 годах сидел в знаменитой тюрьме Синг-Синг и в Клинтонской тюрьме в Даннеморе, проходя по категории особо опасных заключенных.

Когда в 1918 году Карл Панцрам в очередной раз вышел на свободу из пенитенциария штата Орегон, ему было уже 28 лет. Большую часть жизни он провел в различного рода исправительных учреждениях, которые его лишь озлобили и ожесточили. У него не было ни дома, ни

семьи, ни даже близкого друга. Поступив после освобождения на работу матросом, он зарабатывал гроши, которых едва хватало, чтобы сводить концы с концами. И тогда, видимо, вспомнив свою квалификацию вора, Панцрам забрался в один из магазинов и обчистил кассу. Это ограбление дало ему возможность реализовать свою давнюю мечту: он купил яхту. И с этого момента у него началась другая жизнь.

Будучи полновластным хозяином яхты, Панцрам стал путешествовать по побережью с одной целью – грабить, насиловать, убивать. Для этого в тавернах и кабаках он знакомился с матросами и предлагал им поработать на яхте за полное содержание и довольствие. Многие соглашались, поднимались на яхту и порой больше не возвращались. Панцрам спаивал своего нового напарника, насиловал его в течение нескольких дней, пока яхта была в плавании. Затем, натешившись вволю, он привязывал своей жертве на шею груз и сбрасывал за борт. Так продолжалось несколько лет, и никто не догадывался о том, что происходит на борту этого прекрасного с виду морского судна. Причем Панцрам убивал своих партнеров только тогда, когда чувствовал, что они могут донести на него. Но однажды он все-таки просчитался, и отпущенный им матрос сообщил о нем властям. Панцрама арестовали.

В ходе следствия выяснилось, что он за 6–7 лет своих плаваний изнасиловал более тысячи мужчин и 21 человека убил. Ни в одном из этих случаев он так и не раскаялся и даже заявил, что если он окажется на свободе, то, не раздумывая, займется тем же самым. Казалось, цинизм и ненависть к людям не покидали этого человека ни на секунду. Когда на суде ему объявили смертный приговор, ни один мускул не дрогнул на его лице. «Я не боюсь смерти и приму ее как надо!» – заявил он.

5 сентября 1930 года Карла Панцрама привели к виселице. Возле самого эшафота он обернулся к палачу и, схватив его за плечи, швырнул на ступени. Не успел тот подняться, как Панцрам дважды плюнул ему в лицо и грязно выругался. Только после этого с видом человека, выполнившего свой долг, он поднялся к виселице и не проронил больше ни слова.

Дьявол во плоти (1929)

Эта история произошла в Германии за четыре года до прихода к власти нацистов. А местом действия стал тихий город Дюссельдорф. Серийные убийства, произошедшие там, не имели аналогов во всей криминальной истории Европы, и это дало повод многим европейским газетам объявить до этого тихий город «родиной самого дьявола».

Все началось 3 февраля 1929 года. Вечером некий советник Эрих Кунце возвращался домой на Шарлоттенбургштрассе с празднования дня рождения одного из своих друзей и на мостовой увидел лежащую без движения женщину. Сначала советник подумал, что женщина всего лишь пьяна, однако, наклонившись, он увидел на ее лице страшные раны от ударов ножом. Женщина была убита, тело ее еще не успело остыть на февральском морозе, видимо, произошло это несколько минут назад.

Как выяснилось, погибшей оказалась 56-летняя фрау Кун, которая работала в прачечной и в тот злополучный вечер дольше обычного задержалась на работе. Убийца напал на нее из темноты внезапно и нанес ей 21 удар ножом. Смертельным оказался удар, нанесенный со всей силы в висок.

Местная полиция довольно рьяно взялась за расследование и в течение одного дня арестовала сразу нескольких человек, которые давно были у нее на подозрении. Однако, как оказалось, ни один из задержанных не имел ни малейшего отношения к убийству. А убийца тем временем вышел на свою очередную охоту.

13 февраля в городе пропала 7-летняя Роза Олигер, дочка портнихи. Она вышла погулять буквально на несколько минут и домой не вернулась. Родители подняли тревогу вечером того же дня, и полиция немедленно приступила к поискам девочки.

Ее нашли через несколько часов в другой стороне от ее дома, на городской окраине: девочка была убита несколькими ударами ножа. Перед смертью убийца ее изнасиловал. Судя по почерку, действовал тот же маньяк, что десятью днями ранее напал на фрау Кун.

Местные газеты опубликовали сообщение о новом зверском убийстве, да еще малолетней девочки, и город охватила паника. Ничего подобного в тихом Дюссельдорфе никогда еще не происходило. Разум отказывался верить в то, что убийства совершил кто-то из местных жителей. Родители перестали выпускать своих детей на улицу, женщины старались возвращаться домой до наступления сумерек. Однако даже всеобщая осторожность, охватившая жителей города, не помешала убийце совершить новое преступление. Правда, на этот раз его жертвой оказался мужчина.

17 февраля недалеко от того места, где была найдена Роза Олигер, был обнаружен труп инвалида Шера, на теле которого было насчитано семнадцать ножевых ударов. Смертельным оказался все тот же удар в висок. Никаких видимых следов преступника на месте происшествия обнаружено не было.

Три зверских убийства за две недели – это был рекорд не только для Дюссельдорфа, но и для всей Германии. И как только весть об этих преступлениях достигла Берлина, оттуда был прислан запрос: не нужна ли помощь местной полиции? Полицай-президиум Дюссельдорфа ответил, что сил для поимки маньяка у них вполне хватит и дополнительная помощь не нужна. И действительно, в те дни на ноги были подняты все полицейские силы и даже войска местного гарнизона. В городе появились усиленные патрули, курсировавшие по всем подозрительным местам, особенно на окраинах. И это дало положительный эффект: весь март прошел без единого серьезного происшествия. В людях постепенно крепла мысль, что маньяк испугался и, вполне вероятно, скрылся из города. Однако это оказалось не так.

2 апреля странное происшествие произошло в южной части города. Когда некая госпожа Пеннинг совершала пешую прогулку по пустынной аллее, неизвестный мужчина попытался набросить на нее лассо. Причем сделал он это так профессионально, что петля ловко захватила шею незащищенной женщины и почти не оставляла ей шансов. И несчастная задохнулась бы, если бы в следующую секунду из ее горла не вырвался истошный вопль, который услышали случайные прохожие. Они бросились к месту происшествия, и это спугнуло преступника, который, бросив свою жертву, исчез в зарослях чащи.

Вскоре к месту несостоявшегося преступления прибыла полиция. Госпожа Пеннинг уже окончательно пришла в себя и давала показания полицейским. К сожалению, она так и не смогла разглядеть преступника, который напал на нее сзади и исчез в зарослях прежде, чем она сумела оглянуться. Однако полиция имела все основания предполагать, что метателем лассо был не кто иной, как тот самый февральский маньяк. Полиция города была вновь приведена в состояние повышенной готовности.

На следующий день после этого нападения преступник в другой части города совершил новое нападение. На этот раз его жертвой должна была стать жена почтового служащего господина Флаке. И вновь в руках маньяка фигурировало лассо. Только в этот раз он обращался с ним менее искусно. Женщина, услышав подозрительный шум за спиной, инстинктивно пригнула голову, и лассо пролетело мимо. Когда же она оглянулась, то никого за своей спиной уже не обнаружила. Полиция, прибывшая к месту происшествия через несколько минут, не нашла никаких следов пребывания там злоумышленника. Вот тогда-то в городе и поползли слухи о том, что все эти преступления – дело рук дьявола.

Город бурлил в предвкушении новых кровавых событий, газеты писали о бессилии полиции, которая за два месяца не смогла даже близко приблизиться к разгадке загадочных происшествий, и предрекали новые, еще более страшные убийства. И не было тогда человека, который бы не верил в эти пророчества.

Однако прошло более трех с половиной месяцев прежде, чем убийца дал о себе знать. За это время жизнь в городе вошла в привычное русло, люди стали постепенно забывать о кровавом маньяке, и даже местные газеты успокоились. Так продолжалось до 21 августа. В тот день в течение 20 минут в разных местах города были ранены ножом сразу три человека: 18-летняя девушка, женщина и мужчина-рабочий. Во всех случаях преступник действовал по одному сценарию: с ножом в руке он выскакивал из засады, наносил молниеносные удары по всему телу своих жертв и внезапно исчезал. Из трех пострадавших только мужчина сумел мельком разглядеть его: это был невысокого роста молодой человек, в черном костюме и мягкой шляпе. Таким образом, впервые за шесть месяцев полиции удалось получить приблизительные приметы маньяка. Однако для успешных поисков этих сведений было явно недостаточно. А убийца тем временем и не думал останавливаться.

24 августа на южных окраинах города он убил 5-летнюю Гертруду Хамахер и 14-летнюю Луизу Ленцен. Обеих девочек, прежде чем резать, маньяк изнасиловал. А на следующий день он напал уже на молодую женщину и тяжело ранил ее ударом ножа в грудь. И вновь на месте преступления не было обнаружено никаких следов.

К октябрю 1929 года количество жертв составило уже 18 человек. Последних трех он сначала оглушил ударом молотка по голове, после чего исполосовал ножом. Девятнадцатой жертвой стала 17-летняя Мария Ган, которую полиция безуспешно искала в течение нескольких дней. Прочитав об этих поисках в газетах, преступник внезапно решил помочь полиции и отправил в газеты «Дер Миттаг» и «Фрейгейт» два письма. В одном он писал: «Пью кровь... ближайшей жертвы. Много поваров портят тесто. Копайте, ищите...» И далее в тексте шло указание места, где была зарыта 19-я жертва – имение около Бейрата. Полиция вначале сочла письмо чьей-то мистификацией, но после того, как в указанном месте действительно был обнаружен труп пропавшей девушки, стало ясно, что автор письма именно тот самый маньяк.

Но самым ужасным в эпистолярном творчестве маньяка было то, что он послал несколько писем родителям своих жертв. Мать одного убитого им ребенка после этого едва не покончила жизнь самоубийством.

Все эти события вынуждали местную полицию предпринять хоть какие-то шаги в поисках убийцы, чтобы успокоить взбудораженное общественное мнение. Поэтому через несколько дней после публикации в газетах писем были арестованы некий доктор Франц Миллер, который вел довольно замкнутый образ жизни, и писатель Ганс Гейнц Эверс пишущий книги с сексуально-садистским уклоном. Однако, не найдя никаких доказательств их виновности, полиция вынуждена была отпустить их. Произошло это в ноябре 1929 года, и, как только газеты опубликовали информацию об этом, город охватила паника. Горожане (у кого была малейшая возможность) стали покидать город. Остальные сидели по домам, и с наступлением вечера город словно вымирал. Люди дошли до того, что не доверяли даже близким соседям, с кем прожили бок о бок не один десяток лет. В полицию приходили доносы от жителей города друг на друга, в которых порой сообщались просто несусветные вещи о всевозможных вурдалаках, людоедах и т. д.

Тем временем полиция изо всех сил пыталась напасть на след преступника. Для этого из Лондона, из самого Скотланд-Ярда, в Дюссельдорф прибыл тайный агент, который поселился в одном из домов в центре города под видом простого служащего и пытался вычислить маньяка. Каждый день к нему стекались доклады агентов, разбросанных по всему городу, порой он и сам слонялся по значным местам Дюссельдорфа в надежде найти хотя бы призрачную возможность выйти на маньяка, но все было тщетно. Преступник оставался неуловим, хотя после четырех месяцев затишья он вновь вышел на кровавую тропу.

В марте 1930 года он напал на 9-летнюю Эрику Линдерманн и убил ее, нанеся одиннадцать ударов ножом. Это была уже двадцатая жертва на его счету.

Одновременно преступник прислал в полицию еще одно письмо, в котором сообщал, что он обязательно придет на похороны убитой им Эрики Линдерманн. Это был вызов. Убитую девочку хоронил весь город, и найти маньяка в таком столпотворении было просто невозможно. В своем послании убийца также сообщил, что через две недели он убьет еще одну девушку. «Так что назначайте еще одни похороны!» – цинично завершал он свое письмо. К счастью, новым похоронам свершиться уже было не суждено. Маньяка поймали, причем заслуга полиции в этом была минимальной.

На последнюю свою жертву преступник напал в Графенбергском лесу. Молодая девушка, которую он попытался оглушить, оказала ему отчаянное сопротивление, да такое, на которое маньяк не рассчитывал. Он выпустил девушку, и та сумела скрыться в лесной чаще. На счастье полицейских и всего города, девушка не стала скрывать факт нападения, сама пришла в полицей-президиум и довольно подробно описала нападавшего. Как ни странно, но им оказался человек, которого полиция однажды уже проверяла на причастность к этим жутким преступлениям. Доставленный в полицейское управление кучер Петер Кюртен уже на первом допросе сознался во всех преступлениях. Как только эта весть разнеслась по городу и далее, в Дюссельдорф со всех концов Германии прибыли корреспонденты крупнейших газет. Одна из них, берлинская, в статье «Дюссельдорфская тайна раскрыта» писала: «Мы застали Дюссельдорф в большом волнении. Не в таком, в каком он был в 1929 году, когда начиная с февраля каждые две-три недели приносили весть о новом нападении на женщин, об убийствах, о трупах с 12-ю, с 19-ю колотыми ранами. Тогда в Дюссельдорфе царила паника. Под вечер женщины не выходили из дому без провожатого, улицы были пустыни, за детьми удесятерили родительский надзор.

Сейчас волнение скорее радостное. На улицах, в кафе, в отелях вы не услышите ни одного слова, кроме как о Петере Кюртене. Перед зданием полицей-президиума постоянная толпа: хотят узнать последнюю новость, мечтают увидеть арестованного.

Напрасные надежды. Его возят в разные места, его допрашивают там, где были найдены трупы, но полиция проявляет необычайную скрытность: не только зеваки, но даже ловкие и опытные корреспонденты еще ни разу не видели знаменитого Петера. Бросались в ожидании встретить его и полицейских комиссаров в разные углы города, мчались в автомобилях за город, в лес, где был обнаружен когда-то труп, но все усилия были напрасны: полиция била рекорды конспирации. Пришлось изменить тактику: поехали на квартиру Кюртена. Жены его не застали: она была уже арестована. По последним сведениям, она отправлена в дом умалишенных.

Говорят, что она испытала жестокое нервное потрясение от всего пережитого. Есть сведения, что страшное в ее переживаниях началось не с ареста мужа.

При обыске обнаружена книжка сберегательной кассы: на счету Кюртена хранилось свыше 5500 марок. Откуда такие деньги у бедного кучера, жена которого вынуждена искать вне дома заработка, чтобы супруги могли существовать?

В свое время авторитетные специалисты уголовного розыска пришли к убеждению, что «дюссельдорфский убийца», как одно лицо, есть миф: обстановка, при которой совершались преступления, технические приемы были разные в разных случаях, хотя на известные группы их можно разбить. В некоторых имеются все признаки сексуальной аномалии преступника, в других налицо только мотив ограбления. Кюртен признался в нападении на ту горничную, рассказ которой ускорил развязку, в покушении на убийство двух женщин (они обе живы, хотя были тяжело ранены кинжалом), утверждает, что им была убита восьмилетняя Роза Олигер и что его жертвой был инвалид Рудольф Шеер, которого, как, по слухам, показал теперь Кюртен, он убил потому, что Шееру было известно о виновности Кюртена в смерти несчастной малютки.

Некоторые из этих преступлений следствие приписывало сидящему теперь в сумасшедшем доме Штраусбергу. Полиция, однако, усиленно занята расследованием вопроса о причастности Кюртена к трагической гибели 20-летней Марии Ган, которая была найдена мертвой с 20-ю колотыми ранами на теле.

Несмотря на то, что по этому делу произведено исключительное по тщательности расследование, оно до сих пор оставалось одним из самых темных среди взволновавших мир девяти «дюссельдорфских убийств», рядом с которыми числятся еще девять нападений, каждый раз кончавшихся тяжелыми ножевыми ранами, иногда сопровождавшимися попытками изнасилования. 17 женщин и всего лишь один мужчина были жертвами этих преступлений, совершенных на берегу прекрасного Рейна в течение 8–9 месяцев.

Дюссельдорфцы поражены той легкостью, с которой Петер Кюртен делает свои признания. Он признается в том, в чем его никто не обвиняет!

В чем дело? Не выдерживает допросов (первый длился 12 часов)? Или принадлежит к числу тех психопатов, которые не раз уже являлись в полицию со своими «признаниями» и «раскаяниями»? Возможно, дело обстоит сложнее: некоторые преступления у него, по-видимому, на совести есть. Допросы давят на ненормальную психику. Апатия овладевает этим человеком, которым психопатологи будут, вероятно, еще немало заниматься.

Постепенно прорываются и некоторые новые сведения о прошлом Кюртена, вернее, о характере тех преступлений, за которые он неоднократно попадал под суд. По-видимому, первое место среди них занимали кражи и взломы.

Две свидетельницы, дающие сейчас показания, особенно опасны для него: женщины, ставшие жертвами нападения со стороны «какого-то неизвестного мужчины», как гласили до сих пор полицейские сообщения. Они обе тяжело ранены, но врачам удалось спасти им жизнь. В обоих случаях не было покушений на изнасилование, по-видимому, единственной целью нападения было ограбление.

Характерно для смутной психики этого человека, что в разговоре с опознавшей его женщиной он говорил о том, что никто – ни она, ни уголовные комиссары – не смогут понять мотивов его нападения, имевшего целью убийство».

В заключение следует отметить, что, несмотря на все подозрения о том, что Петер Кюртен мог и не совершать часть из этих убийств, с момента его задержания волна загадочных нападений в Дюссельдорфе сразу прекратилась.

Главный бандит Америки (1924–1931)

Наверное, не будет преувеличением вывод о том, что такая страна, как Соединенные Штаты Америки, была и осталась законодательницей мод в мировой уголовной истории. Именно там появились и окрепли первые гангстеры, родились такие преступления, как киднеппинг (похищение детей), бутлегерство (незаконная продажа алкоголя) и т. д. Именно Америка «подарила» миру преступника, имя которого стало нарицательным и известно теперь во всех уголках земного шара – Аль Капоне.

Альфонс Капоне родился 17 января 1899 года в Неаполе, однако в Италии прожил недолго. Вскоре вместе с родителями он переехал в Нью-Йорк и поселился в Бруклине, на улице Пяти Ружей. В семье Капоне помимо Альфонса было еще несколько детей.

Детство Альфонса было безрадостным: родители работали не покладая рук, и дети были предоставлены себе, а вернее – улице. Юный Альфонс посещал бесплатную среднюю школу, но учился из рук он плохо, дважды оставаясь на второй год в 6-м классе. После этого его отчислили из школы, чему сам Аль Капоне был несказанно рад. С этого момента и началась его преступная карьера, сначала как местного хулигана, а затем и матерого преступника.

В Бруклине, став членом местной молодежной банды, Аль Капоне вымогал деньги у торговцев-кондитеров и китайцев, владевших несколькими прачечными. В 1919 году, в возрасте 20 лет, он впервые был арестован за драку. Друзья наняли приличного адвоката, и тот сумел спасти Альфонса от тюрьмы.

К тому времени Аль Капоне уже работал вышибалой в кафе «Оберж Гарвард», и силу его кулаков испытали многие. В феврале 1920 года он перебрался в Чикаго (второй по величине город Америки), где подручный босса чикагской мафии Джима Колозимо Джонни Торрио устроил его вышибалой в кафе с весьма выразительным названием «Кафе четырех чертей». По словам писателя Д. Ройберта, Аль Капоне тогда был «коренаст и довольно невзрачен – плоский нос и толстые скабрзные губы». Кроме этого, левую сторону его лица украшал косой шрам длиной в шесть с половиной сантиметров, который он «заработал», служа вышибалой в «Оберж Гарварде», заработал за дело: оскорбил сестру своего соотечественника-итальянца, и тот, выхватив нож, исполосовал обидчику лицо. После этого Аль Капоне и получил свою знаменитую кличку Скарфэйс («лицо со шрамом»).

Между тем вышибалой в «чертях» Аль Капоне проработал недолго: Джонни Торрио решил поручить ему работу посolidнее.

Как известно, с января 1919 года в США вступил в действие «сухой закон», и официальная продажа спиртных напитков была запрещена. Местная мафия тут же воспользовалась ситуацией и наладила подпольное изготовление и продажу алкоголя. В Чикаго этим делом занималось несколько банд, самыми влиятельными из которых были банды итальянцев (Джим Колозимо) и ирландцев (Джордж Морон, Дайон О'Банион). Первые базировались в южной части города, вторые – в северной. Между бандами то и дело возникали трения, которые заканчивались стрельбой. Ситуация порой менялась стремительно, и старик Джим Колозимо явно за ней не поспевал. В это время Джонни Торрио и решил выступить против своего шефа (тот приходился ему еще и родным дядей), то есть попросту его убрать. Исполнить операцию должен был Аль Капоне с двумя наемными убийцами. 11 мая 1920 года главарь чикагской мафии Джим Колозимо был убит в своей квартире. Его преемником стал Джонни Торрио, который своим заместителем взял, естественно, Аль Капоне.

К 1923 году некогда неуклюжий и непредставительный Аль Капоне сильно изменился. Теперь он являл собой самоуверенного делового человека. Он прибавил в весе, погрузнел и обзавелся собственным парикмахером и портным. Кроме этого, после многочасовых занятий с опытным преподавателем он исправил дикцию, перестал нецензурно выражаться. Его гарде-

роб насчитывал порядка 150 костюмов и такое же количество пар обуви, которые он менял ежедневно. Именовал он себя на американский манер – Аль Брауном – и очень злился, если кто-то по старой памяти называл его Аль Капоне.

К 1923 году банда Торрио-Капоне насчитывала в своих рядах около 700 человек и по-прежнему контролировала юг Чикаго. После смерти Колозимо они заключили мирный договор с «северянами», и этот договор соблюдался несколько лет.

Территориально банда «южан» базировалась в пригороде Чикаго – Сисеро, в четырех милях к востоку. Переехали они туда все в том же 1923 году, после того как на очередных выборах мэра города победил кандидат реформистов. Реформисты мечтали уничтожить мафию в городе, однако эта мечта тогда так и не осуществилась.

Доходы чикагской мафии в те годы составляли 100 тысяч долларов в неделю (Торрио-Капоне порой зарабатывали 70 миллионов долларов в год). Это были огромные деньги, и, естественно, обладать ими каждая банда хотела только в одиночку. Поэтому в 1924 году война между «южанами» и «северянами» вспыхнула с новой силой.

Поводом послужило убийство главаря ирландцев Дайона О'Баниона. Убили его, правда, за дело. Он продал один из своих пивных заводов Торрио и сразу же навел туда полицейских. Торрио потерял свои деньги и едва не угодил в тюрьму. За это Дайон О'Банион и был приговорен к смерти. Убийцы настигли его в цветочном магазине, которым он владел официально.

С погибшим мафиози прощались три дня, и мимо гроба с его телом прошло около двадцати тысяч человек. Похоронная процессия была одной из самых пышных в истории чикагских похорон, для цветов понадобились 26 грузовиков (на похоронах Колозимо было лишь 20). Пришли и Торрио с Аль Капоне. Они были вооружены, в любой момент ожидая ответного удара ирландцев. Но те не стали омрачать похороны и на время траура «забыли» о мести, но только на время траура, на две недели.

24 января 1925 года Торрио с женой возвращались домой, у самых ворот дома их обстреляли из автоматов. Торрио, несмотря на многочисленные ранения, чудом остался жив, но, став калекой, решил сложить с себя полномочия дона мафии. На первом же собрании он объявил об этом, назвал имя своего преемника – Аль Капоне. Это прозвучало как гром среди ясного неба: Капоне был неаполитанцем, и до этого момента все доны были с Сицилии.

Лидер по своей натуре, Аль Капоне с огромным рвением взялся за дело, и банда обрела второе дыхание. Доходы ее росли, численность увеличивалась. В недрах организации была даже создана своя контрразведка, названная «Джи-2»

Зная, что за ним будут постоянно охотиться ирландцы, которые объединились с поляками и евреями, Аль Капоне обзавелся бронированным автомобилем. Когда же случилось ему оказаться без автомобиля, его спасало чудо. Так, весной 1926 года Аль Капоне со своей подружкой завтракал на открытой террасе кафе в Сисеро. Внезапно на нескольких автомобилях подъехали «северяне». Аль Капоне опередил их на долю секунды, бросившись на пол прежде, чем прибывшие открыли ураганную стрельбу. Он остался жив, его подружка, не столь проворная, была убита.

Ответ Аль Капоне был скор и эффективен. Его жертвой стал один из главарей «северян» Хайли Вейсс, чье убийство произошло по всем канонам бандитской профессии. Когда Вейсс подошел к дому своей матери, он увидел у дверей нищего, просящего милостыню. Вейсс достал монету, чтобы бросить ее в шляпу нищего, а тот в ответ выхватил из рваной одежды пистолет и разрядил его в Вейсса.

В 1926 году Аль Капоне праздновал победу на всех «фронтах». В том году на очередных выборах мэра Чикаго победил его ставленник Билл Томпсон, и Аль Капоне вернулся в город – теперь его офис располагался в отеле «Лексингтон» на Мичиган-авеню. Чикаго тогда превратился чуть ли не в столицу североамериканской мафии. Половина городской полиции была куплена, кроме этого, под тяжелой пятой Аль Капоне находилось 90 профсоюзов. Доход Аль

Капоне достиг 105 миллионов долларов в год. Имея такие деньги, он решил наконец заняться легальным бизнесом и взял под охрану городские магазины, гаражи, рынки. Однако мир и спокойствие не наступили. Появившиеся в городе молодежные группировки тоже желали иметь свой кусок от жирного пирога и готовы были сразиться даже с таким авторитетом, каким стал 28-летний Аль Капоне.

Так банда братьев Айелло (девять братьев) заключила договор с ирландской группировкой Джорджа Морана. Братья объявили «крестовый поход» против Аль Капоне и устроили за ним настоящую охоту. Для этого из четырех американских городов в Чикаго были вызваны четверо профессиональных киллеров, которым было обещано 50 тысяч долларов, если кто-то из них отправит на тот свет Аль Капоне. Однако у того были не менее опытные киллеры (например, Джек Макгорн), которые работали более профессионально, нежели люди братьев Айелло. В результате все четверо были убиты прежде, чем успели встретиться с Аль Капоне.

В те дни улицы Чикаго напоминали поле настоящего боя. Напуганные разгулом насилия, граждане города потребовали от властей принятия срочных мер для обуздания преступников. Полиция Чикаго официально обратилась к ветеранам войны во Франции с просьбой прийти на работу в полицию. На этот призыв откликнулось 500 человек, с оружием в руках они вышли на патрулирование улиц.

1928 год – зенит славы Аль Капоне. В том году сам шеф чикагской полиции Фрэнк Лотш обратился к нему за консультацией по поводу проведения президентских выборов. На этой встрече Аль Капоне пообещал, что его мафия будет держаться в стороне от выборов.

Однако в том же году, только несколько позднее, для Аль Капоне наступили и тяжелые времена. Мэр города Чикаго Билл Томпсон не был переизбран на второй срок, и Аль Капоне сразу же почувствовал результаты этого поражения. Его соперники вновь активизировались, заручившись поддержкой всесильной нью-йоркской мафии. Последние считали, что Аль Капоне зарвался в своем желании стать великим гангстером и поэтому представляет угрозу для всего мафиозного сообщества.

В 1928 году Аль Капоне был официально объявлен властями персоной нон-грата в Лос-Анджелесе, Канзас-Сити, Новом Орлеане, Бирмингеме. Американские газеты писали о нем как о «враге общества № 1», настраивая граждан против мафии вообще. Чувствуя, что его все сильнее и сильнее сжимают со всех сторон, Аль Капоне предпринял ряд шагов, чтобы сбить накал страстей. Весной 1928 года он покупает роскошную виллу на Пальмовых островах во Флориде и на время уезжает из Чикаго. Во Флориде он ведет вполне добропорядочный образ жизни и поражает соседей неслыханным гостеприимством: на его вечеринки прийти мог каждый желающий. Выпивка в такие дни подавалась бесплатно.

Кроме этого, Аль Капоне предложил ньюйоркцам и представителям других мафиозных кланов собраться на съезд, чтобы утрясти все разногласия. Ньюйоркцы согласились, однако декабрьский съезд в Кливленде не состоялся, в дело вмешалась полиция.

Между тем, видя, как Аль Капоне набирает очки, Моран вновь решает выступить против него. В феврале 1929 года его люди нападают на конвой со спиртным Аль Капоне. Разъяренный Капоне предпринимает ответные шаги.

Через своего человека в окружении Морана он подставляет информацию о том, что надежные люди сумеют доставить Морану большую партию виски. Моран «клюнул» и отвел под товар свой гараж в доме № 2122 на Норт-Кларк стрит, куда 14 февраля 1929 года в 10 часов 30 минут и прибыли вооруженные автоматами люди Аль Капоне. В гараже была устроена настоящая бойня: в течение нескольких минут были убиты семеро боевиков из банды Морана: тысячи пуль буквально разорвали их на части. Сам Моран, на свое счастье, к назначенному сроку опоздал, чем, в сущности, и спас свою жизнь.

Это массовое убийство в день Святого Валентина потрясло всю добропорядочную Америку. Бойни такого масштаба страна тогда еще не знала. Все понимали, что организатором

расстрелял Аль Капоне, однако доказать это было практически невозможно. Даже умиравшие боевики Морана на все вопросы полиции хранили молчание.

Сам Аль Капоне понимал, что после этой акции по его следам пойдет целая свора наемных убийц. Он увеличил штат охранников и пересел в восьмицилиндровый трехтонный бронированный «кадиллак». Стекла в машине, более похожей на броневик, были толщиной в два с половиной сантиметра, а между пневматическими шинами и воздушными камерами были установлены емкости с клейкой массой, способной мгновенно заполнить любую пробоину. Заднее стекло автомобиля откидывалось для удобства стрелков, располагавшихся с автоматами на заднем сиденье.

Бойня в день Святого Валентина была не последним «подвигом» Аль Капоне. Через несколько месяцев он сам насмерть забил бейсбольными битами трех своих людей, заподозрив их в предательстве. Убийство произошло на званом обеде, в банкетном зале, в присутствии нескольких десятков человек. Приказав связать изменникам руки, Аль Капоне хладнокровно раскроил им черепа; трупы вывезли за город и сбросили в овраг.

Полиция «проглотила» и эту выходку Аль Капоне, посчитав, что совать нос в разборки между бандитами – себе дороже.

Между тем в середине мая 1929 года в Атлантик-Сити произошло знаменательное событие: 27 представителей американской мафии Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Кливленда, Филадельфии, Бостона, Сент-Луиса и Нового Орлеана прибыли на первый в своей истории съезд, на котором они официально поделили сферы влияния и договорились о взаимной помощи и сотрудничестве. Так родился Сицилийский союз, или знаменитая «Коза ностра» («Наше дело»). Этот съезд стал примирительным после почти пятилетней войны между различными кланами, в результате которой погибло около 500 гангстеров.

После съезда, дабы показать соратникам из других кланов, что он способен унять собственную гордыню, Аль Капоне нарочно садится в тюрьму на 10 месяцев. Случилось это в Филадельфии, где Аль Капоне был «задержан» за незаконное ношение оружия. Срок он отбывал в тюрьме Хольмсбург, где был устроен на должность тюремного библиотекаря.

Весной 1930 года Аль Капоне вернулся в Чикаго к ждавшим его соратникам: брату Ральфу, который временно занимал его пост, любимой женщине Морин Фланнери. Однако оказалось, что, уехав из Чикаго в одно время, вернулся он совсем в другое. Государство серьезно решило заняться мафией, и первым в списке оказалось имя Аль Капоне. В Чикаго по личному распоряжению президента Г. Гувера прибыла группа служащих министерства юстиции во главе с Элиотом Нессом, которая начала активно копаться в финансовых делах Аль Капоне. Тот, однако, продолжал чувствовать себя в безопасности, надеясь, что и в этом случае деньги и связи сделают свое дело (на подкуп полиции Чикаго Аль Капоне тратил ежегодно 15 тысяч долларов).

Тем временем в том же году американский кинематограф впервые обращается к личности знаменитого бандита: режиссер Г. Хоукс начинает снимать фильм «Лицо со шрамом». Роль Аль Капоне должен был исполнить актер Пол Муни. Узнав об этом, Аль Капоне пришел в ярость. Он решил, что в фильме он будет представлен совсем в неприглядном виде и пообещал Голливуду всяческие кары. Напуганные кинодеятели тут же приехали в Чикаго для встречи с Аль Капоне. О чем шла речь, так до сих пор толком и неизвестно. Фактом является лишь то, что в 1932 году фильм «Лицо со шрамом» увидел свет и имел колоссальный успех. Однако Аль Капоне к тому времени был уже в тюрьме.

Налоговые инспекторы установили, что в период с 1925 по 1929 год он уклонялся от уплаты подоходного налога. Было обнаружено около пяти тысяч таких фактов. Аль Капоне попытался откупиться огромными взятками, однако впервые это не дало положительного результата.

Первое слушание дела состоялось 16 июня 1931 года, и перед судом присяжных предстали Аль Капоне, его брат Ральф и еще 68 других мафиози. По совету своих адвокатов, Аль Капоне не стал отрицать своей вины и признался во всех 5000 случаях уклонения от уплаты налогов. Суд, приняв это во внимание, пошел навстречу и согласился с тем, что Аль Капоне погасит задолженность и выплатит государству 5 миллионов долларов. За этот залог судьи разрешили Аль Капоне временно выйти на свободу.

Оказавшись на воле, но зная, что битва еще не окончена, Аль Капоне предпринял ряд шагов, которые, по его мнению, должны были вызволить его из беды. Он организовал в Чикаго бесплатную столовую для безработных. Каждое утро он приезжал к ее открытию, беседовал с посетителями, внимательно выслушивал их жалобы и многочисленные просьбы – рейтинг Аль Капоне среди определенной части населения города стремительно пополз вверх.

Однако второе заседание суда, которое открылось 30 июля, было уже совершенно иным: судьи ни на какие уступки подсудимым не шли, но стараниями адвокатов слушание дела было отложено до октября.

А в конце сентября в Чикаго бандиты похитили Линча – богатого владельца конюшен скаковых лошадей. Друзья похищенного отправились не в полицию, а к Аль Капоне. Тот тут же поднял на ноги своих людей, и через несколько часов Линч был возвращен семье живым и невредимым.

Однако вскоре поползли слухи о том, что Аль Капоне сам и подстроил это похищение, дабы в дальнейшем прослыть героем. Как только эти разговоры дошли до Аль Капоне, он собрал открытую пресс-конференцию, на которой выступил с опровержением этих слухов. Говорил он убедительно, но повернуть общественное мнение ему уже было не под силу.

Во время третьего слушания (13 октября 1931 года) суд вынес окончательный приговор: Аль Капоне был признан виновным в уклонении от уплаты налогов и приговорен к 11 годам тюрьмы и уплате 50 тысяч долларов штрафа. 3 мая 1932 года приговор был окончательно подтвержден высшей судебной инстанцией США.

К тому времени Аль Капоне находился в одной из камер тюрьмы в округе Куб, где чувствовал себя настолько свободно, что продолжал руководить своей бандой. И тогда его перевели сначала в тюрьму в Атланте, штат Джорджия, а затем – в мрачную тюрьму Алькатраз на острове в заливе Сан-Франциско. Там он кроил брюки из грубой шерстяной ткани, за что получал 7 долларов в неделю. Заключение относились к нему без уважения и за то, что он частенько мыл полы в коридорах, прозвали «итальяшка со шваброй». Однажды Аль Капоне отказался поддержать забастовку заключенных, и один из забастовщиков ударил его ножницами в спину. Но удар оказался не смертельным.

Между тем былая распутная жизнь догнала Аль Капоне в заключении. В нем проснулся дремавший сифилис, что привело вскоре к параличу. 7 января 1939 года его перевели из мрачного Алькатраза на остров Терминал. Об этом не сообщила ни одна газета, и это было симптоматично: некогда знаменитого бандита многие уже успели забыть.

В 1940 году окончательно добитый болезнью Аль Капоне был выпущен из тюрьмы условно-досрочно и уехал доживать в свой дом во Флориде. Он был уже практически невменяемым, ухаживать за ним вызвалась его жена, кстати, тоже больная сифилисом.

17 января 1947 года Аль Капоне отметил свое 48-летие и через восемь дней скончался от сердечного удара. Как писала в те дни пресса, «ушел из жизни преступник, по приказам которого было убито около 400 человек, и 40 человек он убил собственноручно».

В отличие от других подобных процедур, на похоронах Аль Капоне было немногочисленно. Они прошли в Чикаго на кладбище Маундолевет. Однако затем толпы туристов буквально оккупировали скромную могилу «главного бандита Америки», и в 1952 году родственники перенесли его останки на другое кладбище.

Долгая охота (1932–1934)

В начале 30-х годов в США наиболее распространенным видом преступлений стало похищение людей с последующим требованием выкупа за их освобождение. Первая трагедия случилась 1 марта 1932 года в городке Хопуэлл, расположенном в малонаселенных горах Нью-Джерси, откуда до столицы штата Нью-Джерси города Трентона было 22 километра.

В конце 1931 года в этих местах построил себе дом в стиле французской дворянской усадьбы знаменитый американский летчик, швед по национальности 30-летний Чарльз Линдберг, который 21–22 мая 1927 года первым в мире совершил беспосадочный перелет (33 часа) через Атлантический океан в Европу. С этого момента Ч. Линдберг стал кумиром нации – его боготворили все: и простые американцы, и столпы общества. В 1929 году он женился на дочери американского посла в Мексике Анне Морроу. 27 июня 1930 года у них родился сын, которого в честь отца называли Чарльзом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.